

Волкова Дарья

С тобой и без тебя. И снова с тобой

Глава 1. Вуайеристы и эксгибиционисты

«Мечтайте с осторожностью.

Мечты имеют обыкновение сбываться.

Так или иначе. Рано или поздно.

И не всегда так и тогда, как вы это себе представляли»

Сформулированная автором народная мудрость

Какого черта мысли ее свернули в сторону сточной канавы, и она, в конце концов, докатилась до сожалений о своей неудавшейся (а точнее, отсутствующей) личной жизни, Вера не понимала.

Возвращалась-то, между прочим, с делового ужина. Ужин, правда, вышел поздний. Но что делать, если герр Вайдунг улетал назавтра первым утренним рейсом, а Квасову казалось до зарезу важным «встретиться и все обсудить». Лично Вере казалось, что встреча ни к чему, и разговор ни о чем, а все вопросы можно было бы обсудить по телефону или «мылом». Но Матвея разве переубедишь...

Вера и присутствовала на ужине чисто больше для формальности. Вот, дескать, тот самый выдающий литературный критик, который будет рецензировать работы молодых, но подающих большие надежды немецких авторов, в рамках года немецкой культуры в России. Ну и еще как переводчик, конечно. Ибо герр Вайдунг, несмотря на все свои старания, никак не мог продраться сквозь дебри отвратительного немецкого Квасова. Впрочем, после двух бутылок рислинга (вино выбирал Матвей, видимо, желая угодить гостю. Вера, глядя на кислое лицо герра Вайдунга, подумала, что этим рислингом

он у себя на родине сыт по горло. А вот водочка была бы ой как кстати...) то ли произношение у Матвея улучшилось, то ли Берннт (все-таки герр Вайдунг проще произнести!) стал улавливать телепатические сигналы от Квасова... Но от нее они отстали, факт. А еще обрадовалось этому, дурочка.

Разговор шел сам собой без активного участия с ее стороны. Периодически бросаемые фразы «Ich bin vollständig mit Ihnen einverstanden» и «Sie sind ganz recht» не в счет. Именно тогда Вера и обратила внимание на парочку за соседним столиком. Ребята пришли в ресторан явно не за тем, чтобы поесть. И спектакль, который разыгрывался за их столиком, пред назначен был только для них двоих. Вот только Вера, один разбросив взгляд в их сторону, уже не могла оторваться. Тем более что парочка ничего, включая Верино неприлично пристальное внимание, не замечала. Девушка медленно обводила пальчиком края бокала с мартини. Томно облизнула губы. В ответ парень стала вынимать и опускать ложку в вазочке с мороженым. Девушка, приоткрыв губы, наблюдает за ним. Вере кажется, что она слышит ее учащенное дыхание. По крайней мере то, как часто вздымается ее грудь, видно даже с Вериного места. Наконец, сжалившись над своей спутницей, молодой человек набирает полную ложку мороженого и протягивает ей. Видимо, в отместку, барышня начинает так есть мороженое, что ее спутник покрывается алыми пятнами. А негодница сначала медленно снимает губами все мороженое, а затем начинает облизывать ложку, водя языком вперед и назад.

На какой-то момент Вера отвлекается — Матвей хочет, чтобы она что-то подтвердила. Она, конечно же, подтверждает. Герр Вайдунг доволен. За соседним столиком, между тем, основное действие явно переместилось под стол. Судя по тому, что между ними ничего не происходит, а выражения лиц у обоих... Квасов, зараза, неужели нельзя не отвлекать человека!

Тем временем, ужин милосердно заканчивается. Все, кроме Веры, довольны. Впрочем, она мужественно улыбается, иначе быть беде — Матвей вцепится в нее как голодный весенний клещ. Себе дешевле делать вид, что все в порядке. Улыбаемся и машем. Тем более что ее настроение никакого отношения к прошедшему ужину не имеет.

Уже по дороге домой, в такси, воображение вырывается на свободу и несется во весь опор. Вера пытается представить себя на месте той барышни из ресторана. Господи, как хочется-то, оказывается, чтобы

на тебя вот ТАК смотрели, с обожанием, желанием, да чего там, с открытым нескрываемым вожделением. Вера вздыхает. Никогда и никто так на нее не смотрел.

Немного повздыхав и пофантазировав, приходится признать непреложный факт: будь она на месте той девушки в ресторане, сама бы первая все испортила. Потому что непременно начала бы париться на разные темы. Что это выглядит со стороны по-дурацки. Что на них кто-то смотрит. В голову полезли бы совершенно не к месту всякие цитаты и описания из многочисленных литературных источников. Тяжело получать от жизни простые, невинные (и не очень!) радости, когда у тебя голова набита, как старый платяной шкаф, всяким литературным дерьямом. Хотя отчасти благодаря именно этому ее и называют лучшим литературным критиком нового времени.

Ох, как Веру только не называют. Да, и одним из лучших критиков нашего времени. Последним из мушкетов, стоящим на страже чистоты современной русской литературы. И новым Белинским. И Писаревым в юбке. А еще злобной нееб*ной сукой. Это уже обиженные авторы в своих блогах. И имя им — легион.

Вот и откуда взяться хоть какой-то личной жизни, если ты окружена людьми, которые или открыто ненавидят тебя, или лебезят при встрече, но с кровожадным блеском в глазах ждут твоей малейшей оплошности?

Вера некстати вспоминает свой последний годичной давности секс. Полноте, да был ли мальчик? Бородатый «начинающий» автор из Красноярска вовсю пытался строить из себя самоуверенного прожженного мачо. Даже предпринял нерешительную, в зародыше пресеченную Верой попытку показать свое мастерство на поприще орального секса. Но Вере не покидало стойкое ощущение, что он боится ее до колик, до спазмов, до противной дрожи в коленках. Б-р. Вспоминать тошно. Уже лучше никакого секса, чем такой.

Именно эти мысли и стали причиной того, что на звуки, слышимые на несколько этажей, Вера не обратила никакого внимания. Возможно, ей казалось, что все эти страстные стоны звучат в ее растревоженной фантазией и воспоминаниями голове. И именно поэтому, поднявшись, наконец, на свой этаж, Вера оказалась совершенно не готова к тому, что ее там ожидало. Полный, бл*дь, сюрприз.

Первое, что она увидела, — ноги. Почему ноги? Да потому что перед этим судьбоносным моментом взгляд Веры был устремлен

вниз, в сумочку, в поисках ключей. Поэтому и увидела сначала ноги. Длинные, стройные, широко расставленные, в классических голубых «левайсах». На аккуратных поджарых ягодицах джинсы, впрочем, сидели весьма свободно, и как бы даже слегка кособоко, что позволяло сделать однозначный вывод о том, что спереди они не совсем застегнуты. Далее, то есть, выше к ногам прилагался торс. Вернее, спина. Обтянутая простой белой футболкой. Узкая талия, широкие плечи. Рук мужчины не было видно. Зато прилагалась пара женских, обнимающих за шею, перебирающих темные, прикрывающие шею волосы. Еще имелась третья нога, которая обивала одну из ног в голубой джинсе. Поскольку нога была в изящной босоножке, принадлежала она явно особе, которая и обнимала мужчину за шею.

И вся эта композиция была не статична, отнюдь. Все это двигалось, вздыхало, стонало. А что самое фееричное, расположилось аккурат перед дверью Вериной квартиры. Точнее, обладатель голубых «левайсов» прижал свою пассию к двери Вериной квартиры. А если уж совсем быть точным, то и не прижал даже уже, а...

Вера вдруг ясно осознала весь смысл фразы «Промедление смерти подобно». Вот так вот люди и приобретают репутацию вуайеристов. Вера прокашлялась. Ноль реакции. Прокашлялась еще раз, уже громче.

— Хм, прошу прощения...

Похоже, ей нужна ракетница. В этот момент парочка меняет положение. Мужчина подхватывает свою партнершу под попку, она обхватывает его талию ногами. Твою мать... Из ослабевших Вериных пальцев выскальзывает связка ключей.

Звук падения ключей на бетонный пол, металлический и звонкий, наконец, производит желаемый эффект. Вера привлекает к себе внимание. Мужчина ставит свою партнершу обратно на ноги. Поворачивается.

И вот тут Вера забывает, как дышать. Наверное, можно как-то подготовиться к встрече с **ТАКИМ** мужчиной в реальности. Например, разглядывать соответствующие фото в соответствующих журналах. Или на сайтах. Но Вера-то не готовилась. И поэтому... Что тут сказать... Просто стоит, онемев. И смотрит.

Рот. Невозможно чувственный сексуальный рот. Крупные, красиво очерченные губы. Яркие, влажные, припухшие от поцелуев. У мужчины просто не может быть таких губ! В контрасте с ними —

острые скулы с тенями впалых щек под ними. Безукоризненная линия широкого мужественного подбородка. Незнакомец поднимает руку и откидывает волосы со лба. Отлично! Глаза темные, карие или синие. Точно не разобрать какого цвета. Потому что он недовольно щурится, глядя на Веру. А ресницы у него... Как в рекламе меганавороченной туши. Четыреста процентов объем.

Кстати, об объеме. Внимание Веры снова переключается на губы. Хочется стонать от невозможности прикоснуться к ним. А как они красиво двигаются, когда он говорит. Он говорит... Он говорит с ней!

— Чего уставилась? Тебе делать нечего? Давай, двигай по своим делам! Нам третий не нужен.

Ей бы разозлиться. Ведь говорит он совершенно возмутительные вещи. Но Вера парализована видом самого красивого мужчины, которого она встречала в своей жизни. Молчит (кто бы из ее оппонентов поверил!) и смотрит. При всем желании найти каких-то изъянов невозможно. Разве что взгляд. Какой-то мутный, не совсем сфокусированный. «Наверное, пьяный», — решает Вера. Человек в трезвом уме не будет таким заниматься в подъезде.

Неожиданное движение привлекает внимание Веры. Ой, е-мое... А джинсы-то действительно расстегнуты. Молния развалена до конца, видно белое трикотажное белье. И белье это весьма недвусмысленно натянуто! В довершении ко всему, в развал джинсов ныряет женская ручка, а ее хозяйка начинает что-то нашептывать красавцу на ушко. Он откидывает голову назад и начинает постанывать, двигая бедрами за движением женской руки. «Нет, они не пьяные. Обкуренные. Или обдолбанные», — мелькает в голове вялая мысль. Оторвать взгляд от происходящего перед ней совершенно невозможно.

— Ладно, уговорила, — хрипловатый чувственный баритон выводит ее из состояния, близкого к трансу. — Думаю, меня на двоих хватит. Только очки сними.

Веру моментально кидает в краску. Зато возвращается способность связно мыслить. С этим извращенцем разговаривать бесполезно. Она наклоняется, подбирает ключи. По максимально возможной кривой обходит его стороной и, оттеснив девушку от своей двери, вставляет ключ в замочную скважину.

— Котик, это твоя знакомая? Почему у нее есть ключ от твоей квартиры? — от противно мяукающего женского голоса у Веры начинают ныть зубы. Как хочется услышать тот, другой голос. Да пожалуйста.

— Наверное, потому что это не моя квартира, — несостоявшийся эксгибиционист весело хмыкает, — Черт, это же семьдесят восьмая. А у меня семьдесят шестая.

— Так вот почему ты не мог дверь открыть!..

Эти двое приуроков начинают хихикать, а Вера, наконец, проникает в свою квартиру и поспешно закрывает за собой дверь.

А она, идиотка, так радовалась, когда на прошлой неделе съехал сосед из семьдесят шестой квартиры. Перманентно сопливый, новомодный художник с непомерно раздутым эго и отвратительной, мелкой, вечно визгливо гавкающей собачонкой. Милейший, как теперь понимает Вера, был человек.

Глава 2. Что с утра лучше — кофе или портвейн?

«Проснись и пой, проснись и пой,
Попробуй в жизни хоть раз
Не выпускать улыбку из открытых глаз.
Пускай капризен успех,
Он выбирает из тех,
Кто может первым посмеяться над собой»

Песня из телеспектакля «Проснись и пой!»

Нет ничего хуже, когда тебя будят ни свет, ни заря звонком в дверь. Если только ты не с похмелья. Тогда это еще хуже. Впрочем, про похмелье — это она загнула. Вера и накатила-то вчера три по пятьдесят. Первую — налив трясущейся рукой и не закусывая, вторую и третью — с интервалом в минуту. Правда, грызя в виде закуски яблоко. Но ей много не надо. И заснуть все-таки смогла, и наутро голова трещит как у нормального человека после приличной попойки.

Трезвонящий звонок в дверь ни фига не способствует изгнанию головной боли. Приходится вставать, натягивать на пижаму халат, а на нос — очки, и идти открывать дверь. На ходу придумывая приличное (вместо нецензурного!) ругательство для неугомонного Квасова. А как же, надо опять «все обсудить».

А это и не Матвей вовсе. Чист и свеж аки клумба после поливки. Все те же голубые джинсы и белая футболка. Темные волосы, слегка влажные, откинуты назад. И осмысленное выражение глаз необыкновенно ему идет.

— Доброе утро. Я ваш новый сосед. Пришел знакомиться и... извиняться.

От его улыбки желудок завязывается в узел. Или это вчерашняя водка виновата? Волной накатывают воспоминания о давешней сцене перед ее дверью. И из Веры прорывается желчь.

— Вас что, воспитывали разумные белки? Или я упустила момент, когда колонизировали Луну, и вы последние десять лет провели там?

— Прости, не понял, — идеальная темная бровь вопросительно изгибается.

Ух ты, мы уже на «ты»... Вера злая, не выспавшаяся, и это она еще в зеркало на себя не смотрела. А то бы настроение еще больше испортилось. Откидывается назад, глядя на часы за дверью.

— Кто вложил в вашу голову мысль, что с извинениями к незнакомым людям надо приходить в полвосьмого утра? Поверьте, он вам не друг.

— Извини, — вся та же обезоруживающая улыбка. — Я не знал, во сколько ты на работу уходишь. Боялся не застать дома. Мучиться угрызениями совести целый день сил нет.

«Да прекрати ж ты улыбаться, скотина!». Ноги и так уже подкашиваются. А резон в его словах все же есть. В ответ на вопросительный взгляд Вера отступает вглубь квартиры, делая вялый приглашающий жест рукой. Ложиться спать толку нет. Матвей все равно скоро заявится со своими «обсуждалками».

— А это тебе, в качестве знака примирения, — на кухне ее новый сосед протягивает Вере бутылку. Этикетка на испанском, похоже, какой-то навороченный портвейн. Вот, блин, оригинал.

— Версия с разумными белками отпадает, — бормочет себе под нос Вера. Включает чайник, берет банку с кофе. — Будешь?

Ее гость смотрит на нее со смесью недоверия и изумления.

— Будешь ЭТО пить?

— Не хочешь — как хочешь. Могу так насыпать, погрызи.

— Это же отрава. Профанация кофе. Дай сюда, — ловко выхватывает банку из Вериных рук. — У тебя зерна есть?

— Чего?

— Чего-чего! Кофе, конечно.

Вера отрицательно качает головой.

— Так, ладно, дай мне пару минут, я сейчас принесу.

— А?..

— А это, — показывает банку с кофе, — я на всякий случай заберу с собой. Чтобы не сгрызла.

За — ши — бись! Чуденький у нее теперь сосед. Приперся с утра пораньше с бутылкой портвейна, забрал кофе и свалил. А еще знает слово «профанация». Ну почему он такой красивый!.. Надо пока сходить в ванную, глянуть в зеркало. И удавиться.

* * *

Стас старался сделать все в темпе. Заскочил домой, схватил турку и банку с молотым кофе — кофемолка лежала где-то в коробках, еще не распакованная. Уже закрывая дверь квартиры, вспомнил, что вчера в подвальном этаже открыли мини-пекарню. Свежие булочки — то, что надо. А то с портвейном получилось действительно не очень.

В общей сложности, его не было минут десять. Но за это время на кухне соседки нарисовался еще один персонаж. Светловолосый здоровяк в костюме, с по-детски пухлым розовым лицом. Стас остановился на пороге кухни с туркой, банкой кофе и пакетом с булочками в руках.

— Кто это? — удивленно поворачивается в его сторону вновь прибывший.

Они отвечают одновременно.

— Любовник, — это Вера.

— Сосед, — это Стас.

«Юмористка, блин», — думает Стас, глядя на распахнутые в немом изумлении глаза мужчины. Ставит принесенное на стол.

— Доброе утро! — протягивает блондину руку. — Я новый сосед. Стас Соловьев. Вчера вот пошумел, отмечая новоселье. Сегодня пришел извиняться. Ну и знакомиться, заодно.

— Доброе, — растерянно отвечает тот, приподнимаясь со стула и пожимая в ответ руку. — Матвей Квасов. Верин агент.

Вера, значит. А то уже минут десять знакомы, а имени так и не узнал. И агент у нас есть. Интересненько.

— Матвей, кофе будешь? — Стас безошибочно открывает ящик, в котором лежат ложки.

— Нет, спасибо, — за его спиной Матвей делает большие глаза и удивленно смотрит на Веру. Вера пожимает плечами и крутит пальцем у виска.

Внезапно Квасов хмурится. Озадаченно смотрит в спину колдующего у плиты Стаса.

— Э-м-м? А вы, случайно, не тот самый Стас Соловьев?

— Это какой?

Говорят, кошки умеют спиной показывать свое презрение и обиду на хозяина. Да уж, в Стасе Соловьеве определенно есть что-то кошачье. Спина его явно находится в полном согласии с иронично-снисходительными интонациями в голосе.

— Ну, тот, который фотограф известный...

— А, ну тогда, наверное, да. Тот самый, — все так же насмешливо отвечает Стас.

Вот кто у нас, оказывается, сосед. То художник, блин, то фотограф. Предыдущий, по крайней мере, не приходил к ней рано утром варить кофе. Вот был бы ужас. А этот... Да, было бы неплохо, если бы так начиналось каждое утро.

— Так это же замечательно, Стас, — Матвей преисполнен энтузиазма. — Вы знаете, у нас совершенно нет приличных Верочкиных фотографий. Она капризничает как маленький ребенок: не хочу, не буду. А у нас сборник публистики на носу. Может, вы бы ей помогли — так сказать, по-соседски.

Стас опять безошибочно определяет, в каком шкафчике стоят чашки. Разливает кофе.

— Не могу ничего обещать, Матвей. Надо подумать. Это, — он внимательно смотрит на Веру. Голос и интонации предельно серьезны, а в глазах пляшут черти, — не та фактура, с которой я привык работать.

— Так, Квасов, тебе нужна фотосессия, ты и фотографируйся. А меня и так все устраивает. И вообще, тебе на встречу надо, проваливай, давай.

А нечего ее провоцировать, она и так злая до черта!

Матвей укоризненно смотрит на Веру, удивленный ее резким ответом. Впрочем, по-настоящему обидеть его довольно сложно. Невероятно толстокожий.

Он поднимается.

— Да, действительно, пора, — строго смотрит на Веру: — Хомяк, напоминаю, что завтра к утру жду от тебя предисловие для «Дрофы». Не позднее восьми.

— Чем раньше ты уйдешь, тем быстрее я начну работать, — цедит Вера сквозь зубы. Свое дурное настроение осточертело уже даже ей.

— Да, конечно. Ну, всего доброго, — Матвей бросает неуверенный взгляд в сторону Стаса.

— Не буду мешать. Ни в коем случае, — вскидывает тот руки в капитулирующем жесте. — Допиваю кофе и ухожу. У меня самого в десять съемка.

Вера задумчиво отщипывает кусочек круассана, запивает кофе. И то, и другое божественно вкусно. Невероятно красивый и сексуальный мужчина приносит ей свежую выпечку и варит обалденно вкусный кофе. Сказка просто. Да, бойтесь своих желаний, они осуществляются. Намечтала она вчера, однако. Если бы это было на самом деле так, как выглядело... Опять наползли воспоминания о начале их, так сказать, знакомства.

— Слушай, — прерывает ее размышления Стас, — а почему он тебя хомяком называет? У тебя даже по моим строгим и завышенным требованиям с фигурой полный порядок. Все на месте. Ничего лишнего. На хомяка не тянешь.

— Это моя... — тут до Веры доходит, что ей только что отвалили комплимент. Да еще какой! — фамилия, — смущенно заканчивает она.

— Твоя фамилия — Хомяк? — недоверчиво переспрашивает Стас.

— Да! — заносчиво отвечает Вера.

— А чем ты занимаешься? Каким деятелям полагаются такие импозантные агенты и звучные фамилии? — веселится Стас.

— Литературным, — огрызается Вера.

— Вера Хомяк, — протягивает он. — Ве-ра Хо-мяк. Нет, никогда не слышал.

— Кто бы сомневался, — фыркает Вера. — Я тоже про тебя ничего не слышала. А ты, значит, известный фотограф?

Он прихлебывает кофе и скромно пожимает плечами. Да, дескать, что уж тут поделаешь.

— И где можно взглянуть на твои работы?

— Да в любом журнале.

— Ага, — Вера поднимается с места, выходит из кухни. Возвращается с кипой журналов, кладет на стол, — Покажи, пожалуйста. Мне любопытно взглянуть.

Стас берет несколько журналов. «Юность», «Новое время», «Дружба народов».

— А нормальных журналов у тебя нет? — Стас недовольно морщится.

— Это каких же? — недоумевает Вера.

— «Maxim», «Playboy», «XXL», «Медведь». Да хотя бы «Cosmopolitan».

Вера анализирует приведенный список. Да неужели... Губы сами собой растягиваются в ехидную улыбку.

— Значит, голых телочек снимаешь?

Стас бросает на нее косой взгляд. Формулировка его удивляет, да. Но не задевает. Он улыбается, и от его улыбки становится хорошо и нехорошо одновременно.

— И голых. И полуодетых. И совсем одетых. Разных снимаю... телочек.

Ой, зачем она это сказала. От его слов и взгляда все внутри скручивается в тугой узел. Н-е-е-т, это все водка вчерашняя виновата.

— Слушай, я передумал. Готов тебе помочь с фотосессией. Пососедски. В знак примирения и искупления.

— Э-э-м... — блин, ну где ее обычный «фонтан красноречия»?

— Не волнуйся, никакой обнаженки, — Стас делает стремительное неуловимое движение, и Веринны очки остаются у него в руке.

Лицо Стаса оказывается неожиданно близко, его пальцы твердо охватывают Верин подбородок. Он медленно поворачивает ее лицо в стороны. Вера млеет, плавится, растекается лужицей по стулу. Вот они, рядом, эти восхитительные губы. А глазища все-таки темносиние. «Поцелуй меня!», — кричит все внутри.

— У тебя хорошее лицо, — как ни в чем не бывало Стас отстраняется. Протягивает ей очки. — Камера такие любит.

Вера надевает очки и встает со стула. Отходит к окну. Внутри все противно дрожит, так же, как и руки. Как унизительно стыдно. Лишь бы он не заметил.

— Ты, наверное, не обратил внимания. Матвею нужны фотографии, раскрывающие мой внутренний мир.

— Думаю, я справлюсь, — Стас допивает кофе и ставит чашку на стол. Смотрит на Вериу. — Уверен, у меня получится. Раскрыть... твой... внутренний... мир.

Ах ты, скотина! Верины щеки начинают гореть. А внутренний мир... становится горячим, сжимается и пульсирует. Только не молчать, не молчать, не молчать! Удивительно, но голос ее слушается. Даже усмехнуться получается.

— Для этого надо познакомиться хотя бы с некоторыми из моих работ, — Вера тыкает пальчиком в журналы. — Ты точно умеешь читать?

Стас улыбается. Как будто точно знает, чего она так на него взъелась. Демонстративно вздыхает.

— Как тяжело общаться с литераторами. Каждым словом норовите обидеть человека.

— Ну, мы хотя бы только словами ограничиваемся...

Вот тут Стас впервые становится совершенно серьезным. Взгляд у него напряженный.

— Я тебя вчера пальцем не тронул, если ты на это намекаешь. Я помню.

— О, меня-то, конечно, нет. А вот со своей двери я твою сперму полночи отскребала.

И тут происходит неожиданное. Да попросту невозможное. Немыслимое. Стас Соловьев, который сделал за свою профессиональную карьеру тысячи снимков «нью»... Стас Соловьев, сам на заре туманной юности бывший моделью, и в этом качестве также имевший на своем счету не один снимок с обнаженной натурой. Стас Соловьев, для которого раздеться догола перед таким угодно количеством публики было все равно, что для большинства сказать «Привет»... Этот самый Стас Соловьев смущается. Более того, он краснеет.

Глава 3 Новоселье и веселье

«Я пригласить хочу на танец Вас,
И только Вас»

И. Шаферан. «Белый танец»

Вере не привыкать часами просиживать за компьютером. Что делать, работа такая. Но так, как сейчас — никогда раньше. Потому что, раскидав всю срочную работу, она, наконец, перестает бороться с собой. Спустя три дня с их знакомства, заходит в поисковик и набирает «Стас Соловьев».

Да, поначалу информации не так много. Примерно то, что она и так знала или дофантазировала. Один из самых востребованных фотографов. Сотрудничает практически со всем глянцевыми журналами. Имеет несколько успешных рекламных проектов. Портфолио в Интернете нет, так как практически все его снимки являются коммерческой собственностью. Но несколько фото посмотреть удается. Вера вспоминает его слова. «Разных снимаю... телочек». Но что-то объединяет увиденные фотографии, несмотря на то, что «телочки» действительно очень разные. От них всех исходит невероятная, почти осязаемая чувственность. Даже если модель полностью одета. Что-то в положение тела, в наклоне головы, в выражении лица. И во взгляде, наконец. Что-то, что невероятно цепляет, задевает какие-то потаенные струны глубоко внутри. «Во внутреннем мире», — усмехается про себя Вера. Какое же действие эти снимки оказывают на мужчин...

А потом, когда Вера думает, что ничего нового она уже о Стасе не узнает, на второй или третьей странице со ссылками она видит. «Портфолио Стаса Соловьева». Ого, значит, все-таки выложено.

Вот именно, ого! Это портфолио не фотографа Стаса Соловьева. Это снимки модели Стаса Соловьева. Им уже лет шесть или семь. Или больше. Именно поэтому они выложены в открытом доступе, да и по ссылкам в поисковике находятся далеко.

И вот когда она начинает смотреть фото, время перестает существовать. На снимках он моложе, гораздо моложе. И, что невероятно и невозможно, еще красивее. Сумасшедше красивый, сексуальный, порочный мальчишка. При открытии одной из фотографий Вера инстинктивно оглядывается, хотя, конечно же, она в комнате одна. Да что же это такое, совсем бесстыжий! Фото, впрочем,

разные. Одетый, полуодетый, в белье, и совсем... без всего — на фото Стас разный. Но везде бесконечно притягательный. Добивает Веру фото, где он голый лежит на животе, глядя прямо в объектив и протягивая к камере руку. Вера стыдливо пытается не смотреть на его обнаженные ягодицы. А потом... Да чего там, для этого же он и снимался! Ради справедливости стоит отметить, что мужская попа, хоть и хороша необыкновенно, на этом снимке не главное. Цепляет здесь взгляд, зовущий и обещающий. И приглашающая рука. Так и хочется протянуть навстречу свою, прикоснуться к этой теплой ждущей ладони. Верин палец дергается на кнопке «мышки», и неожиданно открывается страница с комментариями к фото. Читает их. Если она не покраснела от смущения при просмотре фото, теперь самое время. Господи, вот же озабоченные тетки. Хотя, по чести сказать, чем она лучше их? Так же сидит и пускает слюни. Только они еще об этом и написали.

Звонок в дверь заставляет Веру буквально подскочить на месте. Сердце колотится как сумасшедшее. Вера вдруг отчетливо понимает, что это он. Стас.

Закрывает все окна навигатора. Нажимает на кнопку выключения компа. А потом, дождавшись, когда погаснет экран, еще и из розетки выдергивают. Глупо, да. А она тут как раз глупостями и занималась. Вера глубоко вздыхает, прижимает руки к щекам. Щеки горят. Идет открывать дверь.

— Привет.

— Добрый вечер, — и почему она решила, что на тех фото он красивее? Он сейчас красивее. Потому что вот он, живой и настоящий, рядом, и улыбается так, что внутри все переворачивается. Опять. И на водку списать уже не получится.

— Приглашаю на новоселье.

— У тебя новоселье?

— Ага. Коробки, наконец, все распаковал. Предлагаю отметить.

— Что-то тихо у тебя? — подозрительно спрашивает Вера.

— Вот ты сейчас придешь, и начнется веселье.

— Больше никого нет?

— А зачем нам кто-то? Посидим чисто по-соседски. Я такую пасту болоньезе подготовил — м-м-м, — Стас целует свои пальцы.

Вера усмехается. Это выглядит смешно. И сексуально одновременно.

— Чего-чего?

Вера наблюдает захватывающее зрелище — Стас пытается спрятать улыбку. При этом верхнюю губу он поджимает, а нижняя еще больше оттопыривается. Вид у него забавный. И как будто обиженный. Стас не выдерживает и прыскает.

— Макароны по-флотски — такая формулировка тебя устроит?

— Ну, это другое дело, — Вера не выдерживает и улыбается в ответ, — а то придумал какую-то пасту.

— Ну, тогда прошу, — Стас протягивает ей руку. У Веры перед глазами вспыхивает другая картина. Она резко отступает назад.

— Я через пять минут подойду.

— Хорошо, — кивает Стас, — только не задерживайся, а то остынет и будет невкусно.

Ну конечно, она не могла не пойти на поводу у своего тщеславия. Переоделась в узкие джинсы, обтягивающую трикотажную кофточку с цветочными узорами. И линзы одела, и чуть подкрасилась. Всунула ноги в туфли на каблуках, чтобы хоть немного сравняться с долговязым Соловьевым в росте. Посмотрела в зеркало. Все очень даже неплохо. Кроме одного. Очевидности своих усилий произвести на него впечатление. Вера протопала к книжному шкафу. Надо подготовить пару дежурных гадостей, чтоб это не выглядело так откровенно жалко.

Дверь его квартиры не заперта. Внутри очень даже оригинально. У Стаса — квартира-студия. Одно большое помещение, у дальней стены кухонная зона, чуть ближе — барная стойка. А у самой двери — огромная кровать. Вера замерла на пороге.

— Проходи, располагайся, — Стас раскладывал пасту по тарелкам. — Вместо стола у меня это.

Он поставил посуду на стойку.

— Значит, еще не окончательно устроился?

— Да нет, мне и так нормально. А что это у тебя? — кивает на книгу в Вериной руке.

— Подарок. На новоселье, — Вера протягивает книгу Стасу.

— Комментарии к «Улиссу». Автор Вера Хомяк, — брови Стаса удивленно приподнимаются.

Да, дружок, да! Может, ты офигенно, сногшибательно красивый сукин сын, зато у меня есть о-го-го какие мозги.

— А не рановато ли тебе браться за Джеймса нашего, понимаешь, Джойса? — Стас улыбается и открывает наугад книгу. — Я думал, это дело для замшелых бородатых академиков — в «Улиссе» копаться.

Опять стоит, как дура, открыв рот. С трудом переваривая сказанное им. Стас, наконец, отрывается от книги.

Верно выражение лица заставляет его расхохотаться.

— Ладно, если тебе от этого станет легче, сознаюсь, что читал «Улисса» один раз, и то лет семь назад.

Что за невозможный человек! Как он мог одновременно и голым фотографироваться, и «Улисса» читать? В перерывах между съемками, что ли? Вера прикусывает губу, чтобы напрямую не спросить об этом. Да, еще не хватало сознаться, что она пялилась на его фотки в Интернете.

— За подарок спасибо. Чувствую, чудное чтиво на ночь, — Стас кладет книгу на прикроватную тумбочку. — Однако прошу к столу — стынет.

Вера присаживается на высокий барный табурет. Туфли оказываются весьма кстати, каблуками удобно зацепиться за перекладину. Оборачивается, бросая взгляд в сторону кровати.

— Оригинальное у тебя место для кровати.

— Очень удобно. Ботинки снял и упал, — Стас пробует пасту. — У-м-м-м. Вкусно. Ешь, давай. Я — бог кулинарии.

Вера пробует. Да, действительно, бог. Умереть, как вкусно.

— Кто тебя готовить учил?

— Сам. Аз есмь.

— Зачем?

— Нравится. Люблю творить. А приготовление пищи — это творчество. И каждый раз импровизация.

— Зачем красивому мужику уметь готовить, — вырывается у Веры. Она смущается.

А Стас — нет.

— Не понимаю, какая связь, — пожимает плечами.

Ну да, он такие пассажи как комплименты не воспринимает. Наверное, так привык, что для него это не более чем констатация факта.

— Тебе стоит только свистнуть...

— Каждый раз, когда захочешь пожрать, трахать кого-нибудь? Больно хлопотно. Лучше я сам приготовлю.

Трудно это прокомментировать или возразить.

— Хорошо, что ты без очков, — неожиданно меняет тему Стас, пока Вера пытается справиться со смущением после его предыдущей реплики.

— Почему? — помимо ее воли, голос звучит обиженно.

— Знаешь, ты единственная из знакомых мне женщин, которой очки удивительно идут. Без них тоже, кстати, отлично выглядишь. Просто, для того, что я задумал, очки как раз не нужны.

— Что ты задумал?.. — господи, после того, что Вера сегодня видела, мысли у нее совершенно набекрень. Не может же он иметь в виду...

— Давай доедай, потом покажу.

Нет, он явно не о том думает, о чем она. Аппетит совершенно пропал. Но приходится делать вид, чтобы не обидеть. Приготовлено-то действительно очень вкусно.

— Я тут пособирал о тебе информацию. Почитал кое-что из твоих работ, блог твой. С комментариями познакомился. И у меня родилась потрясная идея. Тебе понравится.

Вера перестает слышать уже после второй фразы. Он интересуется ею!!! Он собирал информацию!!! Вера прикладывается титанические усилия, чтобы не улыбаться как чеширский кот.

— Что думаешь? Вера, ау?

Ой, блин, как неловко.

— Извини, язык проглотила. Так вкусно, — надо как-то выкручиваться. — Ты не мог бы объяснить чуть подробнее?

— О'кей, — Стас забирает тарелки. — Чай, кофе, потанцуем? Или по небольшому дижестиву?

Пока Вера собирается с мыслями, Стас принимает решение сам. Протягивает пузатый бокал с коричневой жидкостью.

— Это коньяк? — робко спрашивает Вера. Только алкоголя ей сейчас не хватает. Впрочем, если совсем по чуть-чуть, чтобы не обидеть Стаса...

— Арманьяк, — отвечает Стас. В ответ на удивленный взгляд Веры добавляет: — А, один хрен. Значит так, тема такая. Поскольку ты у нас самый грозный литературный критик, и нет никаким графоманам от литературы от тебя пощады, предлагаю следующий концепт. Тема — милитари.

Вера смотрит на Стаса с полнейшим недоумением в глазах. Она до сих пор еще не может прийти в себя при мысли, что ее персона вызывает у Стаса такой интерес. Поэтому его слова для нее пока так же загадочны, как китайский язык.

Стас досадливо морщится. Подается вперед, приближаясь вплотную к Вериному лицу. Видимо, полагает, что так она лучше

поймет. Ну да, а эффект-то обратный. Как и в прошлый раз, когда его губы так рядом, мысли у Веры совершенно путаются.

Голос у Стаса серьезный. В нем чувствуется желание донести до Веры свою идею. И волнение. И даже... страсть.

— Вот смотри. Первый заход. Ты в образе... — Стас трет лоб, — ну, не знаю. Жанны д'Арк. В металлических доспехах, на фоне горящего замка. В полоборота. С поднятым мечом, отведенным за плечо. Волосы развеваются, на лице кровь и сажа.

Стас пристально смотрит на Вера, но видит явно не ее. Нарисованный его воображением образ. Он отпивает из бокала и продолжает:

— И надпись внизу: «Бездарность — огнем и мечом». Следующий заход. Ты в образе... э-э-э... подруги Робин Гуда. В лесу. Зеленый плащ с капюшоном, лицо в тени, видно только горящие глаза и упрямо поджатые губы. Прямо в камеру натягиваешь тетиву лука со стрелой. Надпись: «Ты у меня на прицеле».

Сказать, что Вера шокирована... Нет, не так. Она просто в ауте. Ну и фантазия у него, блин. Стас, тем временем, увлекается еще больше. Его голос звучит громче, эмоциональней.

— Заход третий. Ты в образе инквизитора. Темный длинный балахон. На груди распятие. Темное подземелье, в руке у тебя горящий факел. Надо будет придумать что-то с глазами, чтобы было прям видно, как в них горит фанатичный огонь. И надпись: «Инквизиция следит за тобой». Или лучше не так. «Критики следят за тобой».

— Потом обязательно нужен заход на современную тему, — Стас не обращает внимания на Веру молчание, — возможно, на броне танка. Или просто с автоматом. Как получится. Но с танком лучше. И надпись... Не придумал пока... У тебя есть идеи?

Вера молчит. Что тут скажешь?

— Тебе не нравится, — Стас не спрашивает, он утверждает. Голос его становится тихим и каким-то безжизненным. Он одним глотком добывает содержимое своего бокала, губы кривятся в горькой усмешке.

Вера просто физически ощущает его разочарование. Как для него это важно. И по-настоящему интересно. Так, девонька, ты зарабатываешь на жизнь складыванием слов правильным образом. Убеди его. Посмотри, как он расстроен.

Вера так поглощена идеей утешить Стаса, что берет его за руку. И при этом не вздрагивает всем телом.

— Да как такое может не нравиться! Стас, идея потрясающая.

— Правда? — он смотрит на нее. Естественно, недоверчиво.

— Блеск. С таким воображением ты бы стал хорошим фантастом.

— Что-то ты не выглядишь воодушевленной.

— Это относится не к тебе и твоей идеи. Просто сомневаюсь, что я — подходящая модель для реализации твоего грандиозного замысла.

— Вера, но это же придумало специально для тебя, — Стас снова «загорается», — Только для тебя. Никто другой не подойдет.

Стас встает, отходит к полкам у противоположной стены, возвращается с устрашающего вида огромным фотоаппаратом.

— Давай такой план. Я тебя сейчас пощелкаю. Покажу знакомым стилистам, посоветуюсь. А ты завтра приходи ко мне, у меня съемка как раз в павильоне. Посмотришь, что к чему. Это все проще простого.

— Да кто меня туда пустит?

— Я бы посмотрел на того, кто не пустит, — пожимает плечами великолепный в своей самоуверенности Соловьев.

Глава 4. Заклинная демонов

Мой глаз гравером стал и образ твой
Запечатлел в моей груди правдиво.
С тех пор служу я рамою живой,
А лучшее в искусстве — перспектива.

В. Шекспир Сонет № 24

— Стас, тут к тебе пришли, — вслед за охранником Вера заходит внутрь съемочного павильона. Много света, много места. И жарко. Стас бросает один быстрый взгляд в сторону двери.

— Витя, проводи.

И снова отворачивается. Он стоит на коленях. В неизменных джинсах и футболке. В руках фотоаппарат. Перед ним на возвышении — эффектная шатенка в трусиках и свитере.

К Вере подходит невысокий щуплый паренек, берет за локоть. В ответ на ее недовольный взгляд прижимает палец к губам и настойчиво тащит Веру куда-то. В итоге ей указывают место, где она может находиться. Все это Вере категорически не нравится. И в этот момент она слышит его голос.

— Вика, не отвлекайся. Не обращай внимание. Смотри на меня. Я здесь. Вот так. Хорошая девочка. Молодец.

Надо было уйти тогда. Как только она это услышала. Потому что дальше начинается такое...

— Посмотри на меня. Я же нравлюсь тебе. Покажи мне это. Взглядом. Губами. Всем своим сексуальным телом. Покажи мне, как сильно ты меня хочешь.

Его голос отчетливо слышно в каждом уголке помещения. Наверное, дело все в том, что здесь пусто. А ведь он говорит негромко. Вере кажется, что он шепчет. Интимным, хрипловатым, завораживающим шепотом.

— О, да, бейби, да. Так хорошо. Покажи мне, что ты хочешь, чтобы я с тобой сделал. Расскажи мне, как у нас это с тобой будет. Так, отлично, умница. Только не подходи ближе. Да, вот так, повернись. И прогнись, глубже, сильнее...

Вере кажется, что его голос звучит у нее в голове. Она с трудом подавляет желание выгнуться. Глубже, сильнее... Вера трясет головой и поворачивается к своему провожатому. Вите все по барабану, он сосредоточенно рассматривает какую-то фиговину на осветительной установке. Или как это там называется.

— Так, а теперь снимай этот чертов свитер. Только медленно. Когда я скажу «Стоп», остановись. Вот так, отлично. Стоп.

Стас двигается вокруг с грацией огромной кошки. Здоровенный фотоаппарат в его руках кажется невесомым.

— Давай дальше. Хорошо. Руки выше. Вот так. Покажи мне свою грудь. Ты супер, детка.

Вера закрывает глаза. Но успевает увидеть: Вика действительно супер. А Вера испытывает иррациональное желание оказаться на ее месте.

— Света! — от громкого голоса Стаса она вздрагивает. Открывает глаза. Вика уходит в сопровождении высокой коротко стриженой брюнетки. А Стас идет к ней.

— Привет. Извини, что не встретил. Тут лучше не прерываться. Как видишь, ничего сложного. Главное — не волноваться и расслабиться.

Да-как-будто-это-в-принципе-возможно!

Вера не успевает ничего ответить.

— Вить, давай попробуем выставить другую световую схему.

Вера затормажено наблюдает, как они передвигают осветительные приборы, что-то на них регулируют. В студию возвращается Вика. Томно улыбается, подходя к Стасу. Теперь на ней какая-то бирюзовая сорочка с перьями. Кладет руку на его плечо. Стас резко освобождается.

— Света! — опять орет он, — Что у нас с волосами? Где, мать твою, локоны?

— А что я сделаю, — брюнетка Света появляется в студии, — если на волосах уже был лак. Все, что смогла.

— Так смоги больше!

— Ну, я могу вымыть ей голову...

— Ты в своем уме? — Стас стучит по циферблату наручных часов. — Даю тебе десять минут.

Разворачивает обиженную Вику и легонько подталкивает ее под попу.

— Беги, малыш. Света сейчас все исправит.

Света бросает поверх Викиной головы уничтожающий взгляд, и они удаляются.

Стас еще раз обходит осветительные приборы, потом начинает регулировать что-то на фотоаппарате. Подходит к Вере.

— Ну, как тебе? — все это, не отрывая взгляда от своего чертова фотоаппарата.

Вера начинает заводиться.

— У вас всегда... ТАК?

— Когда как, — Стас на секунду отвлекается, поднимает на Веру взгляд. — Увеличу-ка я, пожалуй, выдержку.

— А?

— Стас, — окликает его Света.

Тот мгновенно поворачивается.

— Ну, вот другое дело.

Вика поднимается на подиум.

— Стас-а-а-ас, — томно и протяжно выдыхает она. — Как я тебе?

— Бесподобно! Вить, со схемой мы угадали.

— Ты поцелуешь меня?

Стас не делает ни малейшей попытки подойти ближе.

— Помнишь, о чём мы с тобой говорили перед съемкой? Я прикасаюсь к тебе вот этим, — ладонь Стаса обнимает снизу объектив камеры. — Давай, покажи мне, как ты этого хочешь.

— А потом, потом ты меня поцелуешь?

— Потом — все, что хочешь.

Минут через десять Вера потихоньку покидает фотостудию.

Потому что ЭТО опять начинается. Хриплый жаркий шепот, который, кажется, звучит у нее в ушах. Влажные откровенные слова. И никому, нафиг, нет до нее дела. И нет никакого желания дожидаться обещанного Стасом «потом».

* * *

Вера решает прогуляться. Остыть не мешает. Да и дать нагрузку ногам для нее всегда означает возможность хорошенъко подумать. Что ж поделать, если ей лучше всего думается на ходу. Несмотря на сырой апрельский ветер и попадающиеся по дороге лужи.

А подумать есть о чём. Черт, вот зачем он ее пригласил?! Чтобы показать, какой он офигенно крутой мачо? Как от него любая девка млеет, от одних только слов? И каких слов! Неужели думает, что после всего увиденного она будет с ним... У Веры нет ни малейшего понятия, как называется то, что она сегодня видела. Но она это делать не будет. Точно.

Два часа бодрым шагом заставляют Веру смотреть на события в фотостудии значительно более спокойно. Что сейчас действительно важно, так это то, что ноги гудят. Все, в ванну и спать.

* * *

И опять звонок в дверь. После ванны Вера завалилась в постель в чем мать родила. Поэтому сейчас приходится, под разливающуюся трель звонка, спешно искать какую-то одежду, натягивать ее на себя.

— Вера, ты куда пропала? — на пороге Соловьев. Он в куртке, шею обматывает пижонский шарф. Видно, он только что с улицы.

Вера молчит. Когда она видит его спросонья, выдать удачную реплику удается через раз.

— Вер, — Стас не дожидается приглашения и шагает через порог, — ты себя плохо чувствуешь?

— Нормально, — со сна ее голос звучит хрипло.

— Ты исчезла так внезапно. Да и выглядишь, — он легко касается торчащих во все стороны волос, — неважно.

А как еще выглядеть, если лечь спать с мокрой головой!

— Стас, у тебя ко мне дело? — тон резок.

Он удивленно моргает.

— Мне кажется, нам есть что обсудить.

Бл*, еще один любитель «все обсудить»! Вера открывает рот, чтобы выдать наконец-то оформленшиеся в голове гадости...

— Вкусная пицца, горячая пицца, — напевает мурлыкающим голосом Стас, — «Квадро кальзоне». Четыре сыра. Десять минут как из духовки. А злым капризным девчонкам не полагается.

Он ОПЯТЬ улыбается. Нет, это надо запретить! Международной конвенцией по защите прав человека.

— Вер, просыпайся и приходи. Есть новости.

Разворачивается и уходит.

Вот что ей точно надо было сделать, так это закрыть дверь, отключить дверной звонок и лечь дальше спать. Вместо этого, она, ведомая демонами саморазрушения, поперлась к Соловьеву. Правда, в отместку самой себе, прихорашиваться не стала. Волосы, как были, не расчесывая, стянула в хвост. Спортивные штаны и футболка довершили образ пэтэушницы. По этому поводу Вера даже линзы сделала, чтоб очками не портить красоту такую.

У Соловьева, как всегда, не заперто. Сам Стас, сняв куртку и шарф, режет пиццу. Верин внешний вид оставляет без комментариев. Ясен пень, какое дело небожителям до внешности каких-то жалких людышек. Стас ставит тарелки с пиццей на барную стойку.

— Ну, как, тебе понравилось?

— Отвратительно! — Вера решает, что высказать все, что она думает по поводу увиденного сегодня — единственный возможный способ сохранить рассудок.

— Согласен, — Стас садится сам, делает приглашающий жест. — Курица редкостная. Ну, что делать. Не всегда есть возможность выбирать, с кем работать. Жаль, что ты не видела, как работают настоящие профессионалы. Но зато увидела, что ничего запредельного в этом нет. Если уж такие страшненькие и глупенькие справляются, то тебе сам Бог велел.

Стас успевает справиться со своей порцией пиццы к тому моменту, когда у Веры появляется какая-то разумная версия ответа на его

слова. Потому что он просто переворачивает с ног на голову все ее впечатления от посещения фотосъемок. Впрочем, нельзя сказать, что, перевернутые, ее впечатления нравятся ей больше. Все как-то неправильно. Кроме последней фразы. Но ею она насладится потом.

— А, по-моему, девушка просто красавица, — наконец, говорит Вера, вспоминая эффектную раскованную Вику.

Стас фыркает. Встает, отходит за второй порцией пиццы.

— Нашла красавицу! Нос утиный, скулы плоские. Про ноги я вообще молчу.

— Что-то я ни одной некрасивой девушки на твоих фото не видела! — бросает Вера. С ужасом спохватывается, что выдала себя и свой интерес к нему с головой. Однако, Стас никак не проявляет своего удивления фактом знакомства Веры с его работами.

— Мастерство, детка. Мое и стилистов-визажистов. Если б ты знала, с чем иногда приходиться работать, — картинно вздыхает Стас, между делом приканчивая вторую порцию пиццы.

Вот это самое «с чем» почему-то невероятно злит Веру.

— Ты хоть представляешь, какое действие ты на них оказываешь? — непроизвольно Верин голос звучит громче, чем обычно.

— Конечно, знаю, — Стас пожимает плечами. Как ее бесит этот жест! Потому что сразу видно, какие они у него широченные, и как перекатываются мускулы под тканью футболки. — Более того, я этим нагло пользуюсь.

Стас внимательно смотрит на нее.

— Вер, только не говори мне, что ТЫ повелась на всю эту ботву.

— Не понимаю, о чём ты, — Вера вдруг решает, что она очень хочет пиццу.

— Это же просто слова. Они ничего не значат. Я еще и не такое говорю, чтобы добиться нужной мне реакции.

— Это какой же?

— Да разной. Сматывая какое фото. Чаще всего страсть, желание, возбуждение, — Стас говорит все это совершенно обыденным голосом, а Веру начинает тихонько потряхивать от злости. «Не заводись, — уговаривает себя она. — Для него это часть работы». Но день, видимо, сегодня такой, что благоразумные намерения так и остаются намерениями.

— А что потом? Ты трахаешь каждую модель, которую снимаешь? — Вера получает почти физическое удовольствие,

произнося «трахаешь», выделяя его интонацией. Ей хочется обидеть Стаса, ей хочется ссоры, перебранки, скандала, в конце концов.

— Ну, если бы это было так, я бы работал на одну «Виагру», — Стас чуть заметно усмехается. Пока Вера гневается, он успевает заварить чай и принести чашки.

— Некоторые из моделей имеют мужей или бойфрендов. А еще я, знаешь ли, и мужиков иногда снимаю. Ввиду моей унылой гетеросексуальной ориентации и наличию неких псевдоморальных принципов со всеми трахаться никак не получается. Только с самыми лучшими.

Стас обнимает ладонями кружку и смотрит поверх нее на Веру.

— Вер, да не обращай внимания на то, что сегодня было. Ты же разумная и вменяемая женщина. С тобой все по-другому будет.

Услышав, как ее называют «разумной и вменяемой женщиной» (!), Вера стервнеет. Рявкает «Нет» и уходит, хлопнув дверью. Потом стыдно, конечно. Но она уже приняла решение. Никогда в жизни она больше не будет разговаривать с этим озабоченным подонком. Если она для него всего лишь «разумная и вменяемая женщина».

Одного Вера не учла. Со Стасом она была знакома всего пять дней и не знала, какой он упрямый. Он уговаривал ее две недели. И все-таки уговорил.

Глава 5. Многоликие

«История Красавицы и Чудовища появляется во многих культурах в разных формах. Красавица разлучена с Чудовищем, и в этот момент оно умирает, не в силах перенести разлуку.

В горе девушка оплакивает Чудовище, чары рассеиваются и оно превращается в прекрасного юношу.

Иногда Красавица должна отправиться на край света, чтобы его расколдовать, иногда достаточно одной ее слезы».

Анна Маслова «Красавица и чудовище»

Раньше фраза: «Фотосессия — это тяжкий труд» Вери бы в лучшем случае насмешила. В худшем — вызвала бы глухое раздражение. Сейчас она готова подписаться под каждым словом. Кровью.

В кровь были стерты пальцы от тетивы на луке. Несмотря на то, что он бутафорский. Вера не знала, куда девать руки, куда смотреть. У нее был загнанный и полный паники взгляд. Стас психовал и орал, потом выгнал всех, кроме Веры, из павильона. Спустя два часа выгнал и ее домой, сказав, что ему нужно просмотреть отснятый материал и понять, где же он косячит.

В следующий раз было еще хуже. Потому что с киностудии привезли чертовы доспехи. Одевали Веру в них вдвоем знакомая Вере стилист Света и костюмер со студии. Вера нервничала, ибо не привыкла стоять полуголой перед незнакомыми людьми. Пусть и женщинами. У Светы тоже было маловато опыта в прилаживании рыцарских доспехов к женскому телу. Короче, заглянувшему с невинным вопросом: «Сколько можно копаться?» Соловьеву в голову полетела латная рукавица.

Все это было неимоверно сложно. Тело ныло от непривычных нагрузок. Особенно руки и плечи. Меч, хоть и ненастоящий, весил, казалось Вере, тонны. Стас опять выгнал всех из павильона. Вера внутренне сжалась, готовая к тому, что сейчас он опять начнет требовать от нее чего-то невозможного. А вместо этого...

— Тебе не кажется, что Джойс был психом? — Стас опять крутит что-то на фотоаппарате.

— А? — Вере кажется, что она ослышалась. Опускает поднятый меч, утыкая его в пол перед собой.

— Я, когда читал «Улисса», не раз думал о том, что ему надо не книжки писать, а у хорошего врача лечиться.

— Ты хоть представляешь, в какое время и в какой стране он жил? И что ему пришлось пережить?

— Я же не историк, чтобы это знать. Я простой читатель, мне не понятно...

— Чтобы понятно было, надо мозги включать...

Потом, спустя несколько часов съемки, Вера поняла, ЧТО он сделал. Он ее тоже завел. Только по-другому. Его меткие, язвительные, иногда откровенно провокационные реплики заставили ее забыть обо всем — о неудобных доспехах, о тяжелом мече, о ярком свете, о направленном на нее фотоаппарате. Короткие команды Стаса, выдаваемые им между злющими комментариями, Вера выполняла на

полном автопилоте. Потому что голова была занята совсем другим. Она была в своей стихии, они спорили, ругались, дело дошло даже до личных оскорблений, но все это было великолепно, интересно, заставляло сердце биться быстрее, а глаза — гореть огнем.

Едва Вера перевела дух, чтобы окончательно расправиться с иллюзиями Стаса относительно Сэлинджера...

— Стоп машина, — Стас подает ей руку, чтобы помочь спуститься. — Ты просто ураган, детка.

Вера спускается с подиума и получает братский поцелуй во влажный лоб.

— Все супер, Вер, — Стас широко улыбается. — Ну, ты меня просто вымотала. Я весь как выжатый лимон. Не знаю, как буду работать дальше. А у тебя на сегодня все.

У него получалось это каждый раз. Заставить ее забыть обо всем, что было вокруг, кроме его голоса и иногда мягких, иногда злых вопросов. Учитывая их плотные графики работы, весь процесс растянулся на месяц. Вера не знала, что из этого получится, но ей это нравилось. Определенно. Да. Вера выучила массу новых слов. И самое главное из них — TFP. Творческая фотосессия. Вот как все это безобразие называлось.

* * *

Звонок. На это раз телефонный. Не открывая глаза, Вера шарит на тумбочке в поисках источника назойливого звука.

— Алло?

— Вера, это просто бомба! Ты почему мне ничего не сказала? Вся литературная общественность прямо на ушах стоит. Какие же вы молодцы! Соловьев просто гений!

Фамилия Стаса заставляет Веру окончательно проснуться. Она прокашливается.

— Матвей, а теперь с самого начала и членораздельно...

Глядя в монитор, Вера четко осознает, насколько противоречивые эмоции ее раздирают. Стас выложил всего одну фотографию. Ту самую, в доспехах. Но она наделала такого...

На ней Вера себя не узнает. Фото нереально красивое. Девушка на фото — КРАСИВАЯ. И настоящая. Как и горящий на заднем фоне замок. Как помятые, в пятнах крови доспехи. Вера-то помнит, что они не настоящие, но здесь, на фото — иллюзия полнейшая.

И лицо. Ее лицо. И не ее. Оно прекрасно. Гнев. Ярость. Огонь возмездия. И легкая горечь разочарования в глазах. Отблеск

предательства. Вера понимает, что она совершенно необъективна. Но она готова полностью согласиться с Матвеем. Соловьев — гений. Только почему же он, мерзавец этакий, ей ничего не показал заранее. Вешал лапшу на уши, что не готово.

Дома мерзавца не оказывается. Вера решает привести себя в порядок и позавтракать, прежде чем идти убивать Стаса.

До Соловьева удается дозвониться далеко не сразу. Верину возмущенные вопли отмечает сразу. Делал урывками, проект некоммерческий, вчера поздно вечером закончил одну, выложил. Над остальными пахал всю ночь.

— Ты больше ничего не выложишь, пока я не посмотрю, — Вера не понимает, какого фига она злится. Красивее фото у нее не было.

— О'кей. Вечером привезу ноутбук — посмотришь.

— Я хочу сейчас.

— Приезжай, смотри, — голос у Стаса глухой и раздраженный, он диктует адрес.

У него опять съемки в павильоне. На этот раз в каком-то другом. Видимо, он предупреждает охрану, потому что Вере беспрепятственно пропускают. Она теперь тертая и опытная. Тихонько незаметной тенью проскальзывает в павильон, находит себе место, где она не видна и никому не мешает. И наблюдает.

Стас снимает какую-то нереально знайную красотку. На девушке надето только красивое розовое с черным белье и босоножки. Понаоблюдав за процессом съемки, Вера интуитивно ощущает разницу. Понимает, что сейчас на подиуме как раз профессиональная модель. Стас говорит короткими отрывистыми командами. Но она физически чувствует напряжение между фотографом и моделью. Даже при том, что Стас не говорит никакой непотребщины. Но она на него ТАК смотрит. Или это признак мегапрофессионализма, или у Веры паранойя...

Наступает перерыв, девушку уводят переодеваться. Стас закрывает лицо руками. Трет его ладонями. Вера вспоминает его слова о том, что он работал над фотографиями всю ночь. Ей становится стыдно. Ну, ладно, все равно уже приперлась...

— Стас?..

— О, привет! Когда ты...

— Я тебе не сильно помешала?

— Да нет.

Вера замечает красные воспаленные глаза.

— Ты сегодня ночью вообще спал?

— Пару часов. Пойдем, я тебе дам ноут, посмотришь пока.

Вера садится тихонько в уголке с ноутбуком. И медленно охигевает. Выбрать какую-то одну невозможна. Веру распирает от гордости. Она всегда ровно относилась к своей внешности. Далеко не уродина. Если приложить определенные усилия, так и вовсе красавица. Но это неинтересно. Потому что скучно. А Вера не любит всего, что скучно.

Как-то раз, в ответ на очередной комплимент ее выдающимся интеллектуальным способностям, она выдала фразу: «Меня Бог умом обидел». Потому что искренне считала, что излишок ума счастья не приносит. Скорее, наоборот. Вот она, например. Вместо того, чтобы выжать из своих и так весьма нескудных внешних данных максимум, а при разговоре строить глазки и приторно восхищаться всем, что ей говорят, Вера поступала с точностью до наоборот. На собственную внешность плевать хотела, а в разговоре больше всего ценила умного и равного себе собеседника. Ну, а если что не так, пеняйте на себя.

А вот теперь, глядя в монитор ноутбука, Вера узнавала и не узнавала себя. Стас как-то умудрился разглядеть и вытащить наружу ее красоту. И при этом она оставалась собой. И кем-то другим. Одновременно. Все это было путано, непонятно. Но одно Вера знала совершенно точно. Это было великолепно. Никто не делал ей более роскошного подарка. И у нее нет никаких причин злиться на ниталантливейшую очаровашку Стаса Соловьева.

* * *

По окончании фотосета они пили кофе в находящемся в этом же здании небольшом ресторанчике.

— Я с трудом удерживаюсь от желания пасть ниц, — Вера не может не ехидничать, но искренне надеется, что Стас поймет всю глубину ее восхищения.

— Да ладно, это лишнее, — Стас слабо улыбается. Вид у него довольно потрепанный.

— Слушай, ты еще сегодня работаешь?

— Ага, мы в два на набережной снимаем какой-то рекламный отстой. У меня есть час с небольшим, приткнусь где-нибудь, подремлю. Кстати, — продолжает Стас, — чтобы отбить желание падать ниц. Ты читала, какое название нашему творческому дуэту дали?

— Какое?

— «Красавицо и чудовищо». Причем твои литературные собратья полагают, что чудовищо — ты. Ну, а мои фотодрузья — что я.

Вера хохочет.

— Мне нравится. А почему ты-то чудовище?

Соловьев потягивается до сладкого хруста в плечах. Эти его чертовы плечи!

— Потому что я аморальный сексуально озабоченный тип. И очень востребованный фотограф. Завидуют, мля.

— Ну ладно, не буду тебя отвлекать, — Вера поднимается со стула как раз в тот момент, когда к столику подходит она. Та самая знойная брюнетка, которую Стас недавно снимал в павильоне. Правда, уже одетая.

— Стас, ну ты куда пропал? Я тебя потеряла. Мы же окончательно не договорились.

Соловьев поднимается со стула, дает себя обнять, подставляет для поцелуя щеку. Девушка игнорирует ее и откровенно целует его в губы.

— Ну что, на вечер у нас все в силе?

— Конечно, малыш.

Дуэт «Красавицо и чудовищо» распадается сразу после создания. А Вера опять идет домой пешком. Оттирая со щек злые непрошеные слезы.

* * *

Вечер проходит в полнейшей тоске. Вера в совершенно несвойственной ей манере не признается даже самой себе в причинах этой чернейшей меланхолии. Это все жара виновата, совершенно неожиданная для мая, просто африканская жара. А отопление еще не отключено. Балконная дверькрыта настежь, а Вера сидит за компьютером и в приступе мазохизма читает отзывы на свои фото в Интернете. Термоядерный Соловьев успевает выложить их еще несколько. Они имеют шумный успех. На Стаса со всех сторон сыплются хвалебные отзывы, более всего восхищает оригинальность задумки и блестящее качество исполнения.

Почитав фотофорум и убедившись, что Соловьева все как один превозносят до небес, Вера идет к своим. А там все такие лапочки... Конечно, ее смешали с грязью, обвинили во всех смертных грехах, в звездной болезни, в «гламурализации» и еще черт знает чем. Есть, правда пара здравых положительных отзывов, призывающих оценить красоту исполнения и юмор ситуации в целом. Причем, авторы этих

отзывов относятся к числу людей, мнение которых для Веры значимо. Что отрадно. Впрочем, их голоса тонут в море бушующего деръма.

А Вере плевать. Во-первых, не привыкать. Вера точно знает, кто смеется последним. А, во-вторых, у нее есть более важный повод для депрессии. Только она даже себе не сознается, какой.

Накатывает тошнота, и Вера вспоминает, что не ела ничего с самого утра. Идти и готовить что-то катастрофически лень. На ужин в компании Соловьева сегодня рассчитывать не приходится. У него планы на вечер. Офигенно красивые длинноногие планы. Вера становится противна самой себе. Тошнота не отступает. Надо выйти на балкон, подышать свежим воздухом.

На балконе хорошо. В темноте город особенно красив, своими переливающимися неоновыми вывесками и светящимися окнами домов. Вера вдыхает полной грудью и облокачивается на перила...

Нет, у нее «дежа вю». Или галлюцинации. Или и то, и другое одновременно. Вот эти звуки Она слышит вздохи. Стоны, которые ни с чем не перепутаешь. Влажные ритмичные звуки, которые не могут быть ничем иным. Хриплый шепот. «Да, детка, да».

Вера взрывается. Горячей бешеною ненавистью к нему. Холодным обжигающим презрением к себе. И дальше действует кто-то другой. А она — она смотрит на все происходящее со стороны.

Как она подвигается ближе к перегородке, отделяющей соседний балкон. Делает глубокий вдох.

— Стас?

Возня на соседнем балконе мгновенно стихает. Наступает полнейшая тишина. Вера слышит его тяжелое дыхание. Молчание. И когда она думает, что он ей уже не ответит...

Прокашливается.

— Да, Вера?

— У тебя сахар есть? А то у меня закончился.

Пауза.

— Да.

— Через сколько к тебе можно зайти?

Какие-то звуки. Еле слышные слова. Снова тишина.

— Я сам тебе занесу.

— Хорошо. Спасибо.

Вера уходит с балкона. В комнате ее начинает бить противная мелкая дрожь. Не может быть, чтобы ОНА это сделала! Зачем?

* * *

Звонок она отключила. Но стук в дверь отключить невозможно. Вере реально страшно и противно. Но трусить она себе не позволяет и идет открывать дверь.

Соловьев стоит на пороге с совершенно непроницаемым выражением лица. В руке у него банка с сахаром.

— Можно?

Вере хочется стонать. Ну, прости меня, прости. Что же я наделала, ну зачем, все стало еще в миллион раз хуже.

Они проходят на кухню. Банку с сахаром Стас ставит на стол, и звук соприкосновения банки с поверхностью стола кажется Вере невозможно громким в той вязкой тишине, которая повисает между ними.

«Надо извиниться. Надо извиниться. Надо извиниться» — бьется в голове мысль, но впервые в своей жизни Вера не может себя заставить сказать хоть что-то.

— Зачем ты это сделала? — его голос звучит неестественно ровно.

— Извини меня, — Вера все-таки произносит это.

— Мне не нужны твои извинения. Я хочу знать, почему ты это сделала, — все тем же лишенным эмоций голосом спрашивает Стас.

И Вера понимает, как сильно она его зацепила. Видимо, испортила какие-то грандиозные планы. Вторглась на запретную территорию. А нефиг было...

И командование опять принимает бешеная презрительная сука.

— Извини, дорогой, — Вера подходит к окну, опирается на подоконник и скрещивает руки на груди. — Мне надо срочно статью закончить, завтра сдавать. А вы так расшумелись! И чего вам в квартире не сиделось?

Господи, да неужели ОНА это говорит!?

— Значит, вот как? — у Веры просто ноет все внутри от этого равнодушного пустого голоса. А вот злобной суке, которая сейчас разговаривает со Стасом — ей все по барабану!

— Ну, пойми меня, очень надо сосредоточиться и поработать. А вы такое выдаете! Я же не эrotические рассказы пишу. Мне такой саундтрек на фиг не нужен. И балкон не закроешь — дышать нечем.

Стас молча смотрит на нее. А Вера уже несет.

— Ну что ты так взъелся! Как будто у тебя это в последний раз. Завтра будет другая.

И тут Стас позволяет отразиться на своем лице всем тем эмоциям, которые он испытывает.

— Да, Вера, это последний раз, — тихим напряженным голосом говорит он. И уходит.

Глава 6 Гость из Канады

«Целым был. И был разбитым.
Был живым. И был убитым.
Чистым был. Водой был. Ядом.
Был зеленым виноградом....
Ночь чернеет впереди.
Свет гаси и приходи»

из песни «Приходи» гр. «Сплин»

Вера превращается в тень самой себя. Со Стасом они больше не видятся. Даже случайно не пересекаются в подъезде. А ее охватывает синдром двигательной активности. Каким-то инстинктом самосохранения Вера понимает, что если будет сидеть дома, то сойдет с ума. У нее появляется странная привычка вставать на рассвете и бегать в соседнем парке. Уже светло, улицы полны и пустынны. Вера бежит, ритмично переставляя ноги и старательно чередуя вдохи и выдохи. И эта ее сосредоточенность на простых действиях, и тишина, и пустота вокруг странным образом не позволяют ей вратить самой себе.

И Вера признается. Что она вляпалась. В ее-то тридцать один год. Ее угораздило. Умудриться. Влюбиться в первый раз в жизни.

Со свойственной ей самоиронией Вера даже испытывает парадоксальное чувство гордости за себя. Уж выбрала, так выбрала. Любить — так королеву...

Красивый, талантливый, сексуальный.

К концу второй недели ее забегов в голове у нее сама собой оформляется мысль. Складывается, как пазл, из того, что она видела и слышала на съемках. Из того, о чем читала в Интернете.

Стас явно стоит и может больше, чем снимать полуоголых девиц для рекламы нижнего белья. И то, сколько времени и сил он потратил на реализацию идеи с Вериными фотографиями, и то, какие этот проект получил отзывы — лишнее тому подтверждение. Но он как будто находится внутри прозрачного куба из рекламных проектов, красивых моделей, глянцевых журналов. И выбраться из него он не может.

Впрочем, одергивает себя Вера, может ему там хорошо. Взрослый самодостаточный мужчина. Наверняка лучше всех знает, что именно для него подходит. А она один раз уже вторглась в его жизнь. Хватит. Лучше любить на расстоянии. Все равно ей ничего не светит. Зато не так больно.

* * *

Над городом уже две недели стоит все та же удушающая, отнюдь не майская жара. Балкон постоянно открыт, но оттуда если и слышно что, то только музыку. У Стаса очень разнообразные музыкальные вкусы, но преобладает старый добрый рок-н-ролл.

А в тот вечер с балкона доносятся мужские голоса.

Ведомая каким-то иррациональным, не поддающимся объяснению чувством, Вера выходит на бывший до этого запретной территорией балкон. Прислушивается. Сочный хрипловатый голос Стаса. От него что-то опять начинает сладко ныть внутри. Как же она, оказывается, по нему соскучилась! Чуть более высокий, периодически взрывающийся хохотом второй голос.

Вера вспоминает. «Моя унылая гетеросексуальная ориентация». Так-то оно, конечно, так... Вера сама не понимает, какой бардак творится у нее в голове, да только действует она еще более безрассудно. В сжатые темпы приведя себя в порядок, выходит на лестничную площадку и нажимает на кнопку звонка квартиры номер семьдесят шесть.

Открывший дверь Стас не скрывает своего удивления при виде Веры.

— Привет.

Стас молчит. «Сейчас он у меня перед носом дверь захлопнет», — как-то отстраненно думает Вера.

— Добрый вечер! Как кстати, — гость Стаса материализуется у него за плечом. Такой же высокий, только гораздо более... плотный. Кудрявые русые волосы, серые глаза. Дружелюбно улыбается, в отличие от Стаса. — Нам женский взгляд совершенно необходим.

Он как-то странно говорит, вроде бы по-русски, чисто, правильно, без акцента. Но чуткое Верино ухо улавливает какой-то диссонанс. «Наверное, приезжий», — решает она.

— Вера, познакомься, — Стас справился с изумлением, и, видимо, принял решение не выставлять ее вон. — Это Денис Кузьмин. Мой давний знакомый. Тоже фотограф. Ныне гражданин Канады.

— Я гражданин мира, — поправляет тот, — и можно просто Дэн.

— Дэн, это Вера Хомяк. У вас в Канаде про нее, наверное, пока еще не знают, но у нас она культовая фигура. Самый мощный литературный критик столетия.

— Стас, прекрати... — оказывается, она еще способна удивляться. Тому, как такие лестные по форме слова могут принести столько боли, когда знаешь, что их говорят неискренне. Дэн перебивает ее самым невежливым образом.

— Верочка, какое чудо! — хватает Верину руку, целует. — Вот удача. Впрочем, какая же это удача... Ну, старик, спасибо тебе огромное, — это он уже Стасу.

— А в чем дело-то? — Верин вопросительный взгляд адресован Стасу, но он его игнорирует, поворачивается спиной и отправляется к барной стойке, на которой стоит початая бутылка и стаканы.

Дэн увлекает Веру к дивану, на котором лежат несколько упитанных папок.

— Вера, виски будешь? — спрашивает Стас.

— Подожди, старичок, первым делом самолеты, — отвечает за нее Дэн. Разгребает папки, усаживает Веру на диван, плюхается рядом. — Значит так, Верочка, есть такой проект...

Да, проект интересный. «Женские лица русской литературы». Почему именно женские — фиг поймет. Суть проекта заключалась в том, чтобы найти среди современных девушек и женщин Татьяну Ларину, Наташу Ростову, Сонечку Мармеладову и прочих героинь русской классики. И сделать по две фото. Одну — в одежде той эпохи, другую современную. По задумке авторов проекта, это должно показать, что русская классика жива и актуальна. Идея спорная. Но увлекательная.

Вера и Дэн сидят на диване, разглядывая папки с фотографиями. Дэн, поняв, какой перед ним неиссякаемый источник информации, делает пометки — на обороте фото, в блокноте. Стас с отсутствующим видом бродит по комнате, делая вид, что ему не интересно. Однако, через какое-то время одна из реплик Дэна его цепляет, и он присоединяется к их дискуссии. Причем делает это наи приятнейшим для Веры образом — садится на подлокотник дивана с ее стороны.

Обтянутое джинсой бедро касается ее руки. Он наклоняется, показывая что-то Дэну на фотографии, и перед ее лицом — его мускулистая, покрытая темными волосками рука. Это какая-то сладкая восхитительная пытка. Вера точно знает, что не пожалеет о том, что рискнула сегодня позвонить в его дверь. Что бы потом ни случилось.

Ближе к полуночи Дэн спохватывается, сгребает папки, многословно извиняется и благодарит. Пытается договориться со Стасом о встрече, но тот отмахивается — «Созвонимся». Наконец, прощается и уходит.

«Мне тоже пора» — вот что надо сказать Вере, и тоже быстренько валить домой. Пока не наделала глупостей, о которых потом будет жалеть. Вместо этого...

— Я помню, что тебе не нужны мои извинения. Но все-таки считаю нужным еще раз...

— Вера, не надо, — Стас поднимает руку. Тяжело вздыхает и какое-то время смотрит в темное окно.

— Ты, наверное, права была насчет разумных белок.

— Чего? — у Веры округляются глаза.

— Я часто веду себя так, как будто никого нет вокруг. Делаю так, как хочу. Так, как мне удобно. И мне плевать на то, что думают и как относятся к этому другие. Рано или поздно это плохо заканчивается. Как тогда.

Стас наконец-то решается посмотреть ей в глаза.

— Все ты правильно сделала. Надо было взять еще бейсбольную биту и врезать мне как следует.

— У меня нет биты, — растерянно отвечает Вера.

— Я тебе подарю, — усмехается Стас.

От его слов и улыбки бесследно растворяется все плохое, что Вера придумала про него. Она не может сдержаться и улыбается в ответ.

— Спасибо, что помогла Дэну, — Стас наливает в стакан виски и протягивает ей.

Вера с сомнением смотрит на стакан.

— За успешную реализацию проекта, — Стас толкает ее стакан своим. Вера отпивает чуть-чуть. Гадость какая. Лучше разговаривать, чем это пить.

— По-моему, Дэн в легкой панике. Или мне показалось?

— Конечно, показалось. Он в полном ах*е, — Стас замолкает, отпивает еще виски. — Короче, паника у него не легкая. Уже тяжелая. У него нет серьезного опыта работы в области портретного постановочного фото.

— А почему же тогда именно его пригласили на этот проект?

— Потому что у него офигенная репутация серьезного фотографа. Настоящего фотохудожника, — как ни старается Стас говорить безразлично, оттенок горечи в его словах спрятать не удается. Он наливает себе еще.

— А, по-моему, у тебя бы это получилось гораздо лучше, — осторожно произносит Вера.

— Дэн зовет вторым фотографом на проект, — Стас говорит скучным и равнодушным голосом, но она ему не верит.

— Ты согласился?

Стас одним глотком допивает виски.

— Вряд ли. У меня плотный график на несколько месяцев вперед.

— И что, в этом графике есть что-то столь же интересное? — Вера понимает, что ступает на тонкий лед, но она чувствует непреодолимую потребность заставить его посмотреть на себя с другой стороны. Потому что он ей уже слишком дорог.

— Это приносит весьма некислые бабки.

— Что, так и будешь всю жизнь снимать голые жопы и сиськи? — Вера идет на непомерный риск, стараясь зацепить его. Кажется, удается. Стас суживает глаза.

— Изволь объясниться.

— А не кажется ли тебе, что ты совершаешь огромное преступление, используя свой Богом данный дар таким вот образом? Ты просто зарываешь свой талант в землю!

— Видимо, ты полагаешь, что очень хорошо меня знаешь, — в голосе Стаса звучат нехорошие, почти угрожающие интонации. Но это гораздо лучше, чем равнодушие.

— Полагаю, что кое-что зною, — резко отвечает она. — Как участник дуэта «Красавицо и чудовищо». И ты сам знаешь, какие отзывы были на эти работы.

— Да это было исключение. Все совсем не так...

— Мне достаточно знать, что ты ТАК можешь! — перебивает его Вера. — По-моему, самое время начинать зарабатывать себе репутацию серьезного фотохудожника. Каким ты и являешься, собственно.

Стас стоит, опираясь рукой о барную стойку. Какое-то время молча смотрит на нее. Вид у него... как минимум, сердитый.

— Считаешь, что это нормально, да? Полагать, что лучше другого человека знаешь, что для него правильно, а что — нет? Решать, что ему делать и как?

— Мне кажется, некоторые вещи со стороны виднее. Мне кажется, ты просто не ценишь себя так, как ты этого достоин.

— Ты тоже, — пауза. — И я поступлю так же, как ты.

— Как?

— Сам решу, что для тебя лучше.

Стас ставит свой стакан на стойку, забирает и туда же отправляет Верин. А потом его ладони ложатся ей на плечи, а губы прикасаются к ее губам. Легко. Совсем чуть-чуть. Едва касаясь. Так нежно. Так мучительно сладко.

Вера, несмотря на отсутствие значительного опыта, понимает, что это означает. Он дает ей возможность отказаться. Остановить его. Отстраниться, пока еще не поздно. Ага, как же. Да и поздно уже. Она вляпалась. Ее угораздило. Умудрилась.

Она выдыхает его имя ему в губы. Сама не зная, что этим хочет сказать. Но Стас это понимает так, как ему хочется. А ему хочется. Приоткрыть ее губы своими и сделать поцелей чуть более смелым. Более интимным. Более жарким. А потом его язык врывается в ее рот. Его ладони, скользнув с Вериных плеч, обнимают ее ладони. Он поднимает ее руки и кладет себе на плечи. Вера запускает пальцы ему в волосы. Так и стоят, тесно прижавшись друг к другу, сводя друг друга с ума поцелуями.

Потом Стас отстраняется. Смотрит ей в глаза.

— Вер, я так скучал по тебе. Я за эти две недели чуть с ума не сошел.

Вера бы сказала ему то же самое. Если бы могла хоть что-то сказать. Но она стоит и молчит. Слышит, как гудит кровь в ушах. Как

где-то в горле колотится сердце. Стоит и смотрит на него. Не может насмотреться. И, кажется, сознание, вечно контролирующее и управляющее всей ее жизнью, начинает потихоньку покидать ее. Потому что ей плевать абсолютно на все, кроме стоящего рядом мужчины.

И он прочитал это в ее глазах. Со стоном опять припадает к губам. Целует еще жарче и откровенней. Вера так же горячо целует его в ответ. И все вместе это явно перерастает в нечто большее.

Стас подхватывает ее под попку, приподнимает и сажает на стойку. Сам вклинивается между ее ног, широко разводя их. Его большая горячая ладонь ложится на ее поясницу и прижимает Веру к себе. Он весь твердый, а там — особенно. Вера чувствует это тем самым местом. Которое и создано для того, чтобы ощутить эту величину и каменную твердость. Сознание капитулирует. Вера отчетливо понимает, что позволит ему все. Все, лишь он не оставил ее сейчас.

Стас слегка отстраняется, и в пространство между их телами вторгается его рука. Накрывает грудь. Сжимает.

И тут Вера не выдерживает. С ее губ срывается так давно сдерживаемый стон. Стас, накрыв одной рукой ее грудь, другой обхватывает сзади за шею и медленно опрокидывает ее назад. Придерживает. Его губы скользят по шее. Целует. Лижет. Покусывает. Потом наступает черед мягкого беззащитного ушка. Вера стонет, уже не сдерживая себя.

— Да, детка, да, — шепчет ей Стас.

Что-то взрывается у нее в голове. С хрустальным звоном лопается восхитительный кокон из прикосновений его губ и рук, из сводящих с ума поцелуев и обжигающего ощущения открытости в разведенных бедрах. Все это есть, все это остается. Так же как и звучащий в голове голос.

«Да, детка, да. Ты ведь это уже слышала. И видела. Только он тогда был с другой. А потом еще с одной. Ты знаешь, сколько их было? Знаешь, сколько их еще будет? Скольких он вот так же целовал, прижал к себе, шептал на ушко эти слова? Хочешь быть той, до которой он снизошел именно сегодня? Мисс двадцать первое мая? Сегодня твой день. Тебе его подарили. Наслаждайся им, если можешь. Потому что завтра ты обо всем крепко пожалеешь».

Вера отталкивает Стаса так сильно, что сама чуть не падает назад. С трудом удержав равновесие, спрыгивает на пол.

— Верочка, что случилось? — дыхание у Стаса тяжелое, взгляд — потрясенный.

Раз уж сознание вернулось, Вера дает ему срочное задание. Не допустить слез. Какой угодно ценой.

— Скажи мне, Стас, в какой я сотне? Во второй? Третьей?

— Вера, о чём ты?

— Я для тебя одна из многих. Мне бы хотелось знать свое место!

Чувствуя, что срывается на крик, Вера делает пару глубоких вдохов. У Стаса грудь тоже тяжело вздымается. Глаза совсем темные, почти черные.

— Вера, это совсем другое...

— Конечно, другое! Что, на экзотику потянуло? Хочется попробовать, каково это — трахаться с синим чулком?

— Вера, — в голосе Стаса звучат почти умоляющие интонации. — Зачем ты все портишь? Пожалуйста, не надо, — он пытается погладить ее по щеке. — Поверь, нам будет очень хорошо. Позволь мне...

Вера дергает головой, уворачиваясь от его ладони.

— Это я все порчу?! Нет, это ты все испортил! Причем давно. Задолго до встречи со мной. И с чего я решила, что ты что-то из себя представляешь?! Ты пустой. Можешь продолжать жить так и дальше. Заниматься никчёмной работой, за которую не можешь себя уважать. Каждый день трахать новую телку. И старательно не замечать, как от тебя уходит твоя жизнь вместе с талантом. Ты — одноразовый, Соловьев. Ты же знаешь, что это означает. Ты — использованный г*ндон! — последнее слово она просто выплевывает.

Стремительно покидает квартиру Стаса. Потому что сознание оказалось не в состоянии справиться с поставленной задачей.

Горячие, обжигающие слезы душат ее.

* * *

Кажется, воздух дрожит от злых грубых слов. От грохота захлопнувшейся двери. Стас поднимает руку, чтобы убрать волосы от лица. Вот его пальцы — точно дрожат. С ним со всем что-то не так. Руки дрожат. Сердце колотится. Грудь сжимает как при неправильной декомпрессии. И никак не проходит эрекция.

«Все уже, все», — говорит он себе, наливая еще вискаря. Больше всего досадно, что он посмел... признаться. В том, что ему было плохо без нее. Невозможно. Непривычно. Отвратительно. Все валилось из рук. Он скучал по Вере. ОН! Стас Соловьев, который

никогда не спал с одной и той же девушкой больше раза. Ну, в особо исключительных случаях — двух. Сколько у него их было? Стас отхлебнул виски. Как там Вера сказала про сотни? «Во второй? В третьей?». Черт его знает, он никогда не считал. Да и какая, нафиг, разница. Потому что Вера ни в какой не сотне. Она такая одна. Единственная. Во всем мире одна, твою мать, разъединственная такая. И ему повезло ее встретить.

Стас усмехнулся. Подошел к окну. Отсалютовал своему отражению стаканом с виски. Его единственная-разъединственная пять минут назад обозвала его использованным контрацептивом. А он что? А он в отместку завтра придет к ней в семь утра. Разбудит, как последний садист. Будет кофе варить, завтраком кормить. И убеждать, что не г... Короче, что он лучше, чем она о нем думает.

Кто б его самого еще разбудил. Стас катастрофически проспал не только свои наполеоновские планы мести, но и едва не опоздал на запланированную фотосессию. Пришлось планы мести перенести на вечер.

Вера дверь не открывала. На звонки и стук квартира отвечала мертвой тишиной. Сотовый отказывался соединять с отсутствующим в зоне доступа абонентом. Так продолжалось четыре дня. А на пятый в дверь квартиры номер семьдесят восемь открыл риэлтор в компании потенциальным покупателем. Вера уехала.

Глава 7. Уланд и Амиранта

«Если я в твоей судьбе
Ничего уже не значу,
Я забуду о тебе.
Я смогу. Я не заплачу.
Эту боль перетерпев,
Я дышать не перестану.
Все равно счастливой стану,
Все равно счастливой стану

«Даже если без тебя»

Песня из к/ф «Карнавал»

День сегодня такой, что все приносит радость. И это потому, что она наконец-то придумала, как выкрутиться из ситуации, в которую сама себя и загнала. Как исправить то, что натворила.

Вера идет по улице и улыбается. Апрельское солнце зажигает золотистые зайчики в ее волосах. Выразительные серо-зеленые глаза искрятся еле сдерживаемым весельем. Легкая шелковая юбка летает вокруг соблазнительных бедер. Каблуки итальянских туфель, в которые обуты ее стройные ножки, выбивают по асфальту ритм, заставляющий проходящих мимо мужчин оборачиваться и смотреть вслед. Сочетание откровенно женственной одежды, пленительной фигуры, мягкой улыбки на нежных губах и яркой дерзкой радости в глазах притягивает мужские взгляды как магнит.

В сумочке начинает виброрировать телефон. «Владимирский централ, ветер северный». Проходящий мимо и откровенно глазеющий на нее симпатичный шатен усмехается и удивленно приподнимается бровь. Вера подмигивает ему в ответ. Когда они в очередной раз ругались с Матвеем, она ему пригрозила, что поставит на его звонок какую-нибудь ужасную мелодию. Да так и осталось. Тем более, он так забавно ворчит по этому поводу.

— Да?

— Вер, привет, ты не собираешься ко мне заглянуть? У меня есть для тебя приглашение на весьма интересное мероприятие.

— Матвей, привет. Как раз к тебе иду. И у меня для тебя хорошие новости.

Квасов иногда туговато соображает, но здесь он схватывает мгновенно.

— Ты придумала? Да? Вера, скажи!

— Угадал. Приду, расскажу, — Вера дает отбой, не дослушав, что там он кричит про то, что она умница и гений.

Да, именно так. Вера чрезвычайно собой довольна. Она придумала, как исправить, то, что она наворотила сгоряча. Как ей оживить принца Уланда. А то как-то нехорошо получилось. В конце концов, он ей жизнь спас. Ну, или, по крайней мере, рассудок.

* * *

Ту ночь с двадцать первого на двадцать второе мая Вера провела как в осажденной крепости, защитники которой понимают, что следующий штурм будет последний. А жить-то хочется. Вера не сомкнула глаз. Упаковочных коробок не было, и она складывала вещи по кучкам на полу в гостиной. Дождавшись семи утра, стоя посреди всего этого беспорядка, набрала номер Матвея. Терпеливо выслушав его возмущенный монолог по поводу необдуманности, импульсивности и безответственности, Вера предъявила ультиматум: или он помогает ей сегодня же переехать на новое место жительства, или у нее будет другой агент. Или вообще не будет никакого. Вера чувствовала, как неотвратимо распадается на ничтожно малые части.

Что-то было в ее голосе, что Матвей заткнулся. Попросил дать ему три часа. Правда, приехал Матвей только к двенадцати, а Вера все утро просидела как иголках, нервно прислушиваясь к каждому звуку за дверью. Лишь когда в районе девяти хлопнула дверь на площадке, а в ее дверь никто не позвонил, Веру отпустило. Впрочем, кого она обманывает? Веру раздирали самые противоречивые эмоции, которые она когда-либо испытывала. Потому что на смену облегчению приходит горькое до слез разочарование. Но плакать уже не получается. Сколько можно-то. Да и на что она рассчитывала? Что он с утра пораньше прибежит с цветами извиняться? Ну, или с кофе и с бутылкой портвейна. Да и за что ему извиняться? За то, что он такой, какой есть? Для него это был всего лишь не стоящий внимания мелкий эпизод, который к утру уже забыт. Сегодня его утешит очередная фотомодель.

К моменту приезда Матвея Вера худо-бедно собрала себя в некое подобие целого. Квасов привез список возможных вариантов переезда, и Вера сделала совершенно дикий со всех точек зрения выбор.

А вечером они с Матвеем двигали мебель и распаковывали коробки в ее новом доме в одном из пригородных коттеджных поселков.

В последующие несколько недель Вера с головой погружается в пучину отчаяния. Иначе не скажешь. Она дико сожалеет о том, что остановила Стаса. Что не дала им ни единого, самого малосенького шанса. Веру опять раздирают на части совершенно противоположные желания. Хотя, теперь это ее практически обычное состояние. Какая-то часть ее понимает, что все, что у них могло случиться, носило бы только одноразовый характер. И боль от этого ее бы просто убила. А с другой стороны, когда она ночью лежит в постели и вспоминает...

И осознание того, что она так никогда и не узнает, каково это — отдать свое тело мужчине, который и так уже владеет твоими мыслями, сердцем, душой. Разве это ее не убивает?

У Матвея паника. Он пытается как-то растормошить Веру, но все без толку. В голове у нее ни единой мысли. Не прочитано и не написано ни строчки из того, что надо прочитать и написать. Время до истечения срока обязательств есть, но оно стремительно тает. Матвей понятия не имеет, что случилось. Что вынудило Веру стремительно сменить место жительства и замкнуться в себе. У него есть смутная идея. Учитывая тот факт, что Вера категорически запретила давать кому бы то ни было ее координаты, а кое-кто весьма настойчиво наводил справки. Но все попытки обсуждения этой темы Вера яростно пресекает. И у него просто опускаются руки. Да еще эта ее блажь жить за городом, в полупустом поселке.

В один из вечеров, пару месяцев спустя после переезда, Вера слышит звук подъезжающей машины. Никак, приехал ее нянь. Вера противна самой себе. Хотя бы за то, как она обращается с Матвеем. Но зияющая пустота внутри не дает ей ни малейшего шанса на нормальные человеческие реакции. Ее нет, одна пустая оболочка. Как она тогда сказала Стасу: «Ты — пустой». Нет, пустая — она.

Вера выходит на крыльце, и сердце стремительно ухает куда-то вниз. К центру Земли. Матвей не один. Из машины появляется высокая мужская фигура.

Когда они подходят, сердце возвращается на место. Это не Стас...

— Вера, познакомься, это Игорь.

— Здравствуйте, Игорь, — пережитое секундное потрясение встряхивает Веру. Она становится чуть менее равнодушной.

Игорь здоровается и кивает. Высокий, крупный. Темные волосы, глаза. Типаж похож. Только черты лица резкие, взгляд тяжелый, если не сказать, мрачный. Не лицо, закрытая дверь с надписью: «Не влезай — убьет».

— Вер, Игорь будет жить с тобой, — видно, что Матвею неловко. Но голос решительный, смотрит исподлобья. Как Вера не любит такой взгляд. Значит, Квасов решение принял, и фиг его сдвинешь с места.

— Вот как? Даже без свадьбы?

Игорь никак не реагирует. Матвей устало морщится.

— Игорь, вы пока оглядитесь. Дом, участок. А мы с Верой поговорим.

Спутник Матвея молча исчезает в доме.

— Что, решил таким образом на мне зарабатывать? — он наконец-то смог ее пронять, и Вера с упоением чувствует, что в ней появляются хоть какие-то эмоции.

— Вера, не дури, — Матвей выглядит усталым. Но, черт его дери, таким я-точно-знаю-как-для-тебя-лучше. И совершенно непреклонным. — Ты живешь одна. Соседей нет ни справа, ни слева. Лето на дворе, молодежь всякая ошивается, наркоманы, бомжи. Игорь — твой охранник.

— Боже мой, какая я важная персона. Мне и секьюрити полагается.

— Тебе психиатр полагается, — под нос бормочет Квасов.

— Что ты сказал, повтори! — повышает Вера голос.

— Ничего повторять не буду, — неожиданно для нее рявкает в ответ Матвей. — Это не обсуждается. Игорь остается здесь. Не нравится — проваливай.

Игорь остается. Потому что силы у Веры заканчиваются, и ей опять все равно. Она старается по возможности игнорировать своего «сожителя». Однако пару дней спустя это становится сложно. Часов в десять вечера Игорь зажигает костер. Вера надевает ветровку, выходит на улицу. Весна была жаркой, а вот лето, прямо скажем, теплом не балует.

— Что, решили таким образом избавиться от ненавистного клиента?

— Мусора на участке много, — Игорь отвечает совершенно серьезно. Он сидит на деревянном чурбане чуть в стороне от полыхающей кучи. Вера подходит ближе. Огонь каким-то образом завораживает ее. Смотреть... приятно? Нет. Но приносит чувство странного умиротворения. Вера не замечает, как Игорь исчезает куда-то. Возвращается с еще одним таким же деревянным «стулом». Ставит рядом с Верой. Вера кивает, садится, не отрывая взгляда от огня. И впервые за последние два месяца в голове возникают чужие слова. Кто-то из испанских поэтов. Вера не может вспомнить, кто именно.

Одинок огонь, не причастен к обоюдному жару страсти.

Посмотрите, как плещет пламя,

завладевшее небесами!

Как в луче вертикальном взмыли птицы, не опаливши крылья!

Висенте Аллесандре — внезапно вспоминает она автора.

— Игорь, расскажите о себе, — тихо просит она.

* * *

Именно благодаря Игорю Вера начинает писать. Он не посчитал нужным ничего скрывать. Несмотря на свое «Не влезай, убьет» лицо. Спокойно, как-то отрешенно, в несколько вечеров рассказывает Вере практически всю свою жизнь. В конце смущенно признается, что никто никогда ТАК его не слушал. Вера и сама удивлена. Но так приятно погрузиться в чьи-то чужие чувства и переживания.

Тем более, что судьба у Игоря непростая. Кадровый военный. Горячие точки. Боевые действия. Несколько ранений. Сильная контузия, в результате которой частичная потеря слуха, инвалидность и пенсия. Слух потом восстановился. Но головные боли, особенно усиливавшиеся при шуме и мельтешении вокруг, остались. И пить начал. И жена ушла. И Игорь понял, что сможет продолжать хоть как-то дальше жить, только если бросит пить и уберется из этого чертова города. Где все бегут куда-то, суетятся, кричат.

Пить он бросил. А жил теперь в Верином доме. Навел порядок на участке. Подремонтировал кое-что внутри. Готовил есть. Поддерживал чистоту. Уговорил Веру, и к осени они обзавелись щенком немецкой овчарки по кличке Альфа и рыжим котом, откликавшимся на имя Проглот. Собственно говоря, уговорить Веру оказалось несложно. Потому как ей вдруг стало все резко по барабану. Она начала писать.

И совсем не то, о чем робко просил Матвей. Нет, для него все-таки тоже написала. Понимала, что должна, что есть обязательства. Но все ее мысли были поглощены другим. Вера осознала, что эта идея жила в ней уже давно. И что она старательно скрывала ее от самой себя. Все, что она делала в качестве литературного критика, останавливало ее, не давало этому вырасти. Потому что это было сентиментально. Романтично. С перебором эмоций, чувств, слез. И конечно, любви. Той самой, которая приходит один раз в жизни. Приносит свет и счастье. Или разрушает тебя. Вера просто должна была про это написать.

«Два королевства» История, происходящая в выдуманном волшебном мире. В мире, состоящем из множества отдельных государств. И в каждом из них есть правитель. А у правителя есть

наследник. И каждый наследник, до момента вступления на престол, обладает каким-то одним магическим даром, данным ему при рождении. Дары бывают разные, смешные и полезные, могущественные и опасные. А что самое удивительное, дар этот приходит к наследнику раз в сутки. На одну минуту. В любую минуту. Во время сна — и тогда им невозможно воспользоваться. Или во время еды. Или во время... В любое время, вы поняли? Ну, в общем, такие хитрые законы местной магии делали процесс воспитания наследников трона весьма специфическим.

Вера ни в чем себе не отказывает. Пишет так, как просит душа. Без оглядки на то, кто и что про это скажет. Она это пишет только для себя. И отчасти, про себя. И про него. Про Стаса.

Основное действие разворачивается в двух соседних королевствах. В одном — наследный принц Уланд. Обладающий даром заставлять полюбить себя кого угодно. Его «жертвой» может стать только один человек в день. Ну, и, понятно, что далеко не в каждый день принцу удается воспользоваться этим своим даром. К огромному облегчению родителей, придворных и воспитателей. Ну, что делать, волшебные способности не выбирают. И дар их принца приносит им скорее больше бед, чем пользы. Впрочем, определенные выгоды и из этого дара можно извлечь. Главное, дождаться того момента, когда принц подрастет и хотя бы немного наберется ума.

Следует сказать, что принц Уланд так хорош собой, что способен влюблять в себя безо всякого волшебного дара. Высокий, статный. Темные, слегка вьющиеся волосы и синие глаза. Яркие улычивые губы. Сильный быстроногий юноша. Любимец всего королевства безо всякого волшебства. Ну, вы догадались, кто это...

В соседнем королевстве — наследная принцесса Амиранта. Обладающая самым могучим из даров — даром исполнения желаний. Конечно, есть очень сильные ограничения. Законы природы не могут быть нарушены. И все не так просто. И для исполнения желания принцесса должна этого по-настоящему захотеть. А это не так просто, если дар настигает тебя, когда ты носишься с любимым псом по лугу за бабочками. И надо срочно вспомнить, что тебе говорил советник отца об урожае пшеницы. Вспомнить, да еще и захотеть этого. По-настоящему. И все равно, этот дар — самый мощный. Самый желанный. Поэтому воспитанием Амиранты занимаются со всей серьезностью. Она способна принести блага и процветание

своему королевству на много лет вперед, за то время, что ей отпущено. А она очень послушная и ответственная девушка.

Вера упивается своей полнейшей вседозволенностью. Как хорошо писать, зная, что никто не будет читать это недобрыми глазами и заниматься блохоискательством. Захочет, будут слезы. Захочет — поцелуй. А захочет — любовь.

Поскольку королевства находятся рядом, все знают о том, что происходит у соседей. Естественно, отец Уланда мечтает о том, что его сын влюбил себя обладающую могучим даром Амиранту. Эта мысль внушается молодому принцу, но он от нее не в восторге. Амиранта хорошенькая, но ужасно скучная и серьезная. Отец Амиранты, у которого свои планы на дочь, со всей ответственностью заявляет соседу, что, если он узнает о попытках натравить своего «любвеобильного» сына на его дочь, он сделает все, чтобы следующим желанием Амиранты стало... У отца Уланда хорошее воображение, и продолжение он в состоянии додумать сам. Он понимает, что это не пустая угроза. Амиранта — страшная сила. Но мыслей своих не оставляет.

В общем, каждый остается при своем. Пока на королевство, где живет Амиранта, не совершается нападение. С целью завладеть ею и ее волшебным даром. Один из владельцев дальних королевств алхимическим путем получает эликсир, с помощью которого можно забрать волшебный дар у его владельца.

Мать Амиранты убита. Отца берут в плен, потому что с его смертью Амиранта из наследницы становится королевой и утрачивает свой дар. Сама она получает тяжелое ранение и спасается только чудом. В тот момент, когда она уже теряет сознание от ран и боли, к ней приходит ее дар. А желание у нее только одно: оказаться как можно дальше отсюда, в безопасном месте, где ей кто-нибудь сможет помочь.

В итоге она оказывается в лесу, в соседнем королевстве. Где ее и находит Уланд.

На карту поставлено слишком много. Война распространяется по соседним королевствам со скоростью лесного пожара. В нее вступают все новые силы, желающие завладеть Амирантой. Уланд с принцессой прячутся от преследователей, ведут партизанскую войну. Ведут войну между собой, потому что с детства слышали друг о друге слишком много вранья.

Из-за тяжелого ранения и пережитого потрясения к Амиранте перестает приходить ее дар. Один из наставников Уланда, скрывающийся вместе с ними, говорит, что это временно, и должно скоро пройти. Как только к Амиранте вернется ее дар, вся эта война окончится. Потому что она так сильно этого хочет. Больше всего на свете.

Да, с ними Вера может сделать все, что захочет. Сделать так, чтобы между ними произошло то, чего так и не случилось между ней и Стасом. А вместо этого... Что-то помимо ее воли, что-то, что сильнее ее, заставляет написать именно так.

Они попадают в засаду. Погибают все, кто был с ними. И принц Уланд ценой своей жизни спасает Амиранту.

Финальная сцена. Смертельно раненый, Уланд лежит на земле. Голова его лежит на коленях Амиранты. Он не может говорить, пробито легкое. На губах пузырится розовая пена. Он смотрит на склоненное к нему прекрасное лицо Амиранты. Он успел полюбить ее. Так сильно, что ни за что не стал бы пользоваться своим даром, чтобы добиться ее взаимности.

Уланд чувствует, что ему остаются последние минуты жизни. И в этот момент его глаза наливаются сиреневым цветом. Признак того, что к нему пришел его дар. Как вовремя. А ему так хочется, чтобы она его любила. Так же, как он ее. Хотя бы в эту последнюю минуту его жизни. Нет, нельзя, невозможно. Это сделает ее несчастной на всю жизнь. Он закрывает глаза и с трудом выговаривает последнее слово: «Прощай». И умирает.

Вера вытирает слезы. Сморкается. Стол и пол вокруг усеян белыми комками бумажных платков. Плодотворно поработала, ничего не скажешь.

Перечитывает последние написанные сроки. На глаза опять набегают слезы. Вот что я с тобой сделала, Стас. Ты не смог полюбить меня. И я тебя убила.

Вера судорожно вздыхает. В ночной тишине, которая за городом совсем другая, глубокая и темная, как и ночное беззвездное небо, ее вздох кажется таким громким. И Вера вдруг понимает, что в комнате она не одна. Резко оборачивается. В дверях стоит Игорь. Волосы торчком, на нем мятые спортивные штаны и футболка. По только ему одному ведомой причине Игорь очень серьезно относится к своим обязанностям охранника. Спит одетым, с травматическим пистолетом под подушкой. Между тем, никто их ни разу не побеспокоил.

Прибегающие к Проглоту на свидание кошки не в счет. Но Игорь непреклонен и продолжает делать по-своему. Вот поэтому и стоит сейчас в помятых штанах и майке. На его лице, в принципе не предназначенном для выражения сильных эмоций, написано ВОТ ТАКОЕ удивление.

— Вера Владимировна, это как понимать? — его и без того низкий голос со сна звучит совсем как рык.

Да уж, картина еще та. Вера представляет, как «очаровательно» выглядит с красными глазами и опухшим носом.

— Не обращай внимания, — машет рукой. — Сказку пишу. Вот, закончила.

— Судя по твоему виду, это триллер какой-то, — недоверчиво качает головой он.

— Не бери в голову. И вообще, спать иди. У тебя ж режим. Или может, чаю попьем?

— Ну, чаю так чаю, — отвечает Игорь и уходит на кухню. Вера собирает платки, выбрасывает в корзину. Что там диетологи говорят? На ночь есть вредно. А ночью — в самый раз. Игоряныч вчера такие плюшки замутил...

Глава 8. Comeback

«Полина Уланова — это наша русская Джоанна Роулингс»
Из соображений милосердия
не будем приводить название источника,
который опубликовал подобную ерунду

И этот человек ее предал. Слил информацию Квасову. Когда Вера узнала, что Матвей прочел «Два королевства», гневу ее не было предела. Она минут пятнадцать орала на Игоря, пока в какой-то момент не обратила внимание на его неподвижный отсутствующий взгляд. Поняла, что своими воплями спровоцировала у него приступ сильнейшей головной боли. Сразу стало неимоверно стыдно. Прекрасно же знает, как мучительны и болезненны у него эти приступы. Заставила бледного до синевы Игоря выпить таблетки и

отправила в его комнату. Пусть полежит, пока не утихнет головная боль.

Вера продолжала себя корить за несдержанность. Подумаешь большое дело. Ну, прочитал Матвей «Два королевства». Что такого? Это не повод доводить до приступов адской боли человека, который за последний год стал ей настоящим другом. Братом, которого у нее никогда не было. Поругав себя еще какое-то время, Вера решила сама перезвонить Квасову. Раз он все равно в курсе, надо хоть узнать его мнение. Суждения Матвея, несмотря на их постоянные препирательства, Вера ценила очень высоко.

— Ну что, тебе понравилось? — без предисловий спросила Вера. Они сегодня уже здоровались. До того, как Вера все узнала и начала бесноваться.

— Нет.

Вера едва сдержалась, чтобы не охнуть. Она, конечно, понимает, что написала типичнейшие «сопли в сиропе», но все равно обидно...

— Но это ничего не меняет. Вера, это просто бомба. Надо обязательно издавать.

— Ты шутишь?

Он не шутил. Вера брыкалась, сопротивлялась, но Матвей был неумолим и настырен как бульдог. Все, чего она смогла добиться — издание книги под псевдонимом. Матвей даже поддержал эту идею, сказав, что Верина репутация способна на корню погубить продвижение этой «романтической бредятины». В итоге в авторах «романтической бредятины» значилась некая Полина Уланова.

Весь последующий после публикации «Двух королевств» год Вера и Матвей разгребали последствия. Которых они и в самых бурных своих фантазиях не могли представить. Великолепная пресса.

Допечатка двух дополнительных тиражей. Создание сайта и фан-клуба. Тонны писем с благодарностями. Мегатонны писем с просьбой написать продолжение. Предложение продать авторские права на экranизацию и создание компьютерной игры. И самый главный, остающийся и по сей день без ответа вопрос: «Кто такая Полина Уланова?».

Квасов стал невероятно популярной медийной фигурой. Вид имел еще более важный и надутый, что ранее казалось в принципе невозможным. Однако, изменился не только Матвей. Написание романтической и берущей за душу истории изменило Веру сильнее и неотвратимее чем нож лучшего пластического хирурга. С другой

стороны, это, видимо, было в ней и раньше. Ведь если не было, откуда это взялось? Умение кокетничать (!) и стрелять глазами. Грациозная походка пантеры. Выброшенные из гардероба унылые штаны и пришедшие им на смену нежные сексуальные платья и юбки. Привычка носить только чулки. Вызывающее откровенное белье. Желание смотреть и слушать. И осознание собственной оглушающей привлекательности и бесконечной власти над двуногими брюкиносящими существами.

Вера не знала, как и почему это с ней происходит. Но внутренним чувством, к которому она теперь прислушивалась больше, чем к голосу разума, знала, что, все, что происходит, происходит правильно. Так надо. Она находилась в полной гармонии с самой собой. Если бы не одно «но». Смерть Уланда не давала покоя.

В прямом смысле, потому что ее заваливали письмами со слезными просьбами как-то вернуть принца. Что это жестоко. Бессердечно. Нет, заваливали, конечно, не ее. Полину Уланову. Но от имени Полины в Интернете с поклонниками общалась, естественно, Вера.

А еще было некое иррациональное, не поддающееся никакому разумному объяснению, чувство ее собственной вины перед Стасом. Это было даже смешно. В определенной степени. Прошло уже два года. Вера старательно дистанцировалась от всего, что связано с миром фотографов, моделей, съемок и иже с ними. Матвей пару раз пытался ей что-то рассказать, но она его самым грубым образом прерывала. Потому что даже отрезанный в один миг, этот кусок души продолжал болеть и кровоточить. Но это ее проблема. Стас крутился где-то в своем глянцевом мире и знать не знал, что его двойник жил на страницах книги. Жил, пока Вера не решила его укокошить.

В общем, все эта ситуация была достойна учебника по психиатрии и реально Вера напрягала. Пока. Она. Не. Придумала. Как. Его. Оживить.

* * *

У Квасова офигенно модный идиотский офис. Вера каждый раз, приходя сюда, прилагает титанические усилия, чтобы не улыбаться. Ну, нельзя же, в самом деле, раз человеку нравится...

— Верочка, ну что, не томи... — Матвей, забыв про свою так усердно пеструю вальяжность, чуть ли не галопом подскакивает к ней.

— Нет, ты меня сначала накорми, напои, а потом уж расспрашивай, — капризно растягивая слова, Вера целует Матвея в подставленную щеку.

— Таня, Вере Владимировне чай, как обычно, мне — мате, — скороговоркой бормочет Квасов в интерком. — Вера, ты меня до инфаркта доведешь. Ну, рассказывай.

— Хоть воды пока налей, — Вера садится в кресло, отточенным движением кладет ногу на ногу. — А то в горле пересохло.

Амиранта сидит на земле. Голова мертвого Уланда покоится у нее на коленях. Она понимает, что он сделал. Она видела этот сиреневый свет. Он мог заставить ее полюбить умирающего себя. Наказать за ту отвратительную скорость, которая произошла у них прямо перед тем, как они попали в засаду. Честно говоря, они и в засаду-то попали именно из-за этого. Из-за того, что ругались на чем свет стоит и ничего вокруг не видели. А теперь это стоило ему жизни.

Он бы мог это сделать. Оставить ее любить и горевать. Ведь он умер, и ему все равно. А ей нет. Он этого не сделал. Но вот она это сделала. Сама. Потому что еще раньше полюбила его. Безо всякого волшебного дара. Она это точно знала. И вот теперь она осталась одна. Чтобы любить и горевать.

В этот самый момент, когда Амиранта, обливаясь слезами, баюкает в своих руках мертвого Уланда, к ней возвращается ее дар. У нее только одно, яркое, всепоглощающее желание. Чтобы ее любимый был жив. Амиранта чувствует, что это невозможно, что это нарушение законов природы. Но у нее нет других желаний. Ей незачем жить в мире, где нет Уланда. Она просит лишить ее жизни. Но дар не обманешь. Он видит в ее душе только одно горячее, заветное желание. Чтобы Уланд был жив.

Магические силы мира, где живет Амиранта, выходят с ней на прямой контакт. Ей предлагаются условия, на которых возможно вернуть (время еще не ушло) жизнь принцу. Они оба, и Амиранта, и Уланд, в качестве платы за нарушение основополагающих законов мироздания, утрачивают свои волшебные дары. Навсегда. И Уланд не будет помнить ничего с того момента, как нашел Амиранту в лесу. Ей самой придется объяснять ему, что произошло.

«Да, конечно, да!», — кричит Амиранта. Все, что угодно, лишь бы любимый был жив.

Налетает сильный, пронизывающий до самых костей, порыв ледяного ветра. Поднимает сухие листочки, веточки, пыль. Амиранта

зажмуривается. Ветер стихает, и она открывает глаза. Чтобы увидеть, как дрогнули черные ресницы лежащего на ее коленях Уланда. А потом открываются удивленные синие глаза.

Амиранта улыбается сквозь слезы. Она понятия не имеет, что ему сказать. И что они будут делать дальше. Но одно она знает точно. Ничто не может быть чрезмерной ценой за счастье снова ощутить на себе его удивленный синий взгляд.

Конечно, Матвей не прослезился. Ведь он же толстокожий бегемот. И по-прежнему считает «Два королевства» романтической бредятиной. Но отлично продаваемой бредятиной. Он тут же оценил изящность предложенной Верой идеи, и что она сулит. Как Уланд и Амиранта, лишенные своих волшебных даров, любящие, но не знающие о чувствах друг друга, будут заново выстраивать отношения. Что Амиранта расскажет ему. Как они прекратят войну.

Матвей прикидывает, каким тиражом выпускать еще не написанную книгу, и на когда планировать издание третьей части. Вера смеется.

— Мотя, прекрати делить шкуру неубитого медведя. Тебя опять обуяла жажда наживы.

Матвей терпеть не может, когда его так называют. Это позволяет только Вере. Он решает переключить ее внимание. Действительно, еще успеют все обсудить.

— Вер, у меня именные VIP-приглашения на твоё и мое имя. На завтра. На «Три слова времени».

— Это чего такое? — капризно надувает губки Вера. — Название не бодрит. Если голых мужиков не будет, я не пойду.

Матвей досадливо морщится. Иногда ему кажется, что со своим новым имиджем охотницы за мужским черепами Вера переигрывает. Но после «Двух королевств» он готов простить ей все.

— Это выставка. Твоего друга Соловьева. Он теперь мастер мирового уровня. Я это сразу понял, еще когда он твои фотографии сделал. У него с них, похоже, все и началось. Помнишь, я тебе рассказывал...

Квасов еще что-то говорит, но Вера его уже не слышит. Стоит Матвею произнести его фамилию... Как будто она погрузилась под воду, и мир вокруг стал расплывчатым, а звуки — приглушенными. Она вспоминает. Оказывается, она все помнит. Все, до самых мельчайших подробностей. Что она ему сказал при первой встрече. Что он говорил, когда фотографировал ее. Ощущение его пальцев на

ее лице, когда он просто изучал ее как фотограф. И прикосновение его губ, когда он целовал ее как мужчина.

Прошло два года, а она все так ясно помнит. И все это по-прежнему больно. И винить, кроме себя, некого.

— Вера, Вера, — настойчиво повторяет Матвей. — За тобой заехать?

— Куда? — Вера с трудом возвращается из омута воспоминаний.

— Ну, завтра, на выставку. А потом еще фуршет в ресторане. Там вся тусовка будет.

Вера морщится.

— Я... я не знаю. У меня... планы.

— Ну, тогда забирай свое приглашение, надумаешь — приезжай. Стас очень настойчиво приглашал нас обоих.

Вера не находит сил отказаться и берет в руки эффектно украшенное приглашение. Открывает его.

«Уважаемая госпожа Хомяк. Буду рад видеть Вас на открытии моей персональной выставки, которая состоится...»

А ниже рукой приписано. «Фуршет состоится в ресторане „Амальгамма“. Ваше имя в списке приглашенных». И адрес.

Кто это написал? Стас?

Глава 9. Три слова времени

«Меньше всего нужны
Мне твои comeback'и»
Из песни «Ромашки» Земфиры

Вера приняла решение, и слово ее твердо. Хотела даже задействовать Игоря, чтобы он отвлекал ее от ненужных мыслей. Но ее верный Ланселот отпросился в город. К ветеринару. Видите ли, у малышки ухо нагноилось. У его пятидесятикилограммовой клыкастой малышки. Более того, узнав, что Вера на вечер приглашена куда-то вместе с Матвеем (ну это просто заговор какой-то с их стороны!), настоятельно рекомендовал Вере туда и отправиться, пока его и собаки не будет дома. Игорь по-прежнему очень серьезно

относится к своим обязанностям охранника, и очень не любит, когда Вера остается дома одна. Проглот не в счет. Вечно где-то шляется.

Пришлось соврать. Пообещала, что позовонит Матвею и договориться с ним. В крайнем случае, вызовет такси.

Только никуда она ехать не собиралась. Нет, это было бы самоубийством. Она лучше сядет за компьютер и начнет писать. Но вместо таких еще вчера ярких образов в голове всплывают слова Матвея. «Он теперь мастер мирового уровня». Такими эпитетами не награждают людей, снимающих голое мясо для «Плейбоя».

Вера встает и подходит к окну. Она помнит все. И их последний разговор. Что она ему говорила. Неужели он... Отважился изменить свою жизнь? Дать возможность открыться своему таланту? Если это так, значит ее сердце разбито не напрасно.

Фиг она это узнает, пока не увидит! Ей просто нужно взглянуть на его работы. Чтобы понять... Что все это было не бессмысленно.

Вера приняла решение, и слово ее твердо. Набирает номер, вызывает такси.

* * *

Выходя из машины, Вера больше всего боится, что выставка на сегодня уже закрылась. Ждать до завтра будет так мучительно.

Внутри практически никого нет. Навстречу ей выходит миниатюрная хрупкая женщина в строгих учительских очках.

«Ольга Петровна Шелеметева, куратор выставки» — читает надпись на бейдже Вера. Выдает самую заискивающую улыбку.

— Здравствуйте, я не бесповоротно опоздала?

— Смотря для чего, — неулыбчиво отвечает дама. — Телевидение уехало. Стас Александрович с гостями в ресторане.

— А посмотреть можно?

— Пожалуйста, у вас есть еще полчаса до закрытия.

Вера кивает и проходит внутрь.

Пройдя треть экспозиции, Вера понимает, что полчаса — это катастрофически мало, чтобы оценить все это... великолепие. А с другой стороны, невозможно много, если у тебя из глаз градом катятся слезы, а ты к этому совершенно не готова. Потому что тушь течет, и никакого, самого завалящего платочка, в сумочке отродясь не водится.

Что-то толкается в ее ладонь. Вера, вздрогнув, поворачивается. Госпожа куратор выставки стоит рядом, не глядя на Веру, а ее рука настойчиво всовывает в Верину ладонь бумажную салфетку.

— Что, пробирает? — Ольга Петровна по-прежнему стоит рядом, пока Вера судорожно пытается привести себя в порядок. Потом плюет на свой внешний вид. Такие потрясения все равно бесследно не проходят. Отбрасывает осторожность и благородство. И говорит то, что крутится у нее в голове последние полчаса. С того самого момента, как увидела первый снимок.

— Он — гений.

Ольга Петровна улыбается, и от этой улыбки ее строгое учительское лицо преображается.

— Ну, тут вы неоригинальны. А ведь чуть ли не силой пришлось заставлять. Здесь, — женщина делает широкий жест рукой, — два года работы.

«Я знаю», — про себя отвечает Вера.

— К сожалению, время закрываться, — Ольга Петровна улыбается. Верину слезы заставили ее сменить гнев на милость, — Завтра приходите. В десять мы открываемся.

— А альбома с работами нет? — Вера пытается найти в себе силы расстаться с ЭТИМ.

— Конечно, есть. Правда, здесь не все. И он дорогой. Хорошая полиграфия, понимаете?

— Я возьму.

«Ничто не может быть чрезмерной ценой за возможность снова прикоснуться к тебе. Хотя бы так. Какой ты молодец, Стас».

С альбомом в руках Вера покидает здание выставки. Переворачивает его. На книгах на обороте часто размещается информация об авторе. Как и здесь. Не очень крупное фото, два абзаца текста.

Это не Стас. Это не может быть он. На фото коротко, под ежик, стриженый мужчина, заросший до самых мрачно прищуренных глаз черной бородой. Просто какой-то правоверный мусульманин. Какой-то другой Стас Соловьев. Тезка. Однофамилец. Вера вдруг вспоминает слова Матвея. «Твой друг Соловьев... Стас настойчиво приглашал». Значит, Матвей говорил именно о нем, ни о ком другом.

Вера в полном недоумении опускается на скамейку. Оказывается, она успела дотопать до небольшого скверика. Вера читает размещенный рядом с фотографией текст. Указана дата рождения, возраст вроде бы похож, хотя мужчина на фотографии выглядит явно старше. «Сын известного санкт-петербургского скульптора Александра Соловьева»... «Закончил Художественное училище в

Санкт-Петербург»... «Сотрудничал с известнейшими изданиями». «Первая полноценная выставка, включающая более восьмиста работ».

Стас, это ты или не ты?!

* * *

— Никого нет, все уехали больше часа назад, — отвечает Вере охранник ресторана «Амальгамма».

— Все? — переспрашивает Вера, — Стас тоже? В смысле, Соловьев тоже уехал?

— Все уехали, — чуть ли не по слогам повторят охранник.

Вера крепче прижимает к себе альбом с фотографиями. Она изучала его всю дорогу, пока ехала в такси до ресторана. Она просто ОБЯЗАНА его увидеть. Незнание и неизвестность раздирают ее.

Но где его теперь искать? Вере известно только одно место. Конечно, шансов почти нет. Судя по фотографиям, Стас не сидел все это время на одном месте. Мотался по всему свету. И где он теперь живет, неизвестно. Но она должна проверить.

Два года спустя Вера нажимает кнопку звонка квартиры номер семьдесят шесть. За дверью тишина. Едва слышно, как заливается звонок. И все. Ну что ж, это лучше, чем объясняться с чужими людьми, которые теперь живут в его квартире...

Дверь открывается. На пороге стоит Стас.

Все-таки это был не он. Никакой бороды. Гладко выбритое лицо с его острыми скулами, твердым подбородком и все теми же откровенно сексуальными губами. Которые сейчас предельно сжаты. Волосы, правда, короткие. Не ежик, но близко.

На нем белая, лишь наполовину застегнутая рубашка с закатанными до локтя рукавами. Черные классические брюки.

Вера молчит. Во-первых, потому что банально забыла, какое он вблизи оказывает на нее вышибающее мысли действие. Во-вторых... Что тут скажешь? Стас, это ты был или не ты?

Стас молчит. Вспоминает, как до последнего надеялся, что она придет. Как екнуло сердце, когда увидел в толпе светловолосую голову Квасова. И оглушающее разочарование, когда оказалось, что Матвей пришел один.

Такие красивые губы наконец-то дрогнули.

— Решилась прийти?

Господи, Стас, значит, это все-таки был ты?

Вера судорожно пытается собраться с мыслями. Робко улыбается.

— Я не могла не прийти.

— Я так... — Стас замолкает. — Я не видел тебя на выставке, — после паузы добавляет он.

Повисает неловкое молчание.

— Подпишешь мне? — Вера через порог протягивает альбом.

Стас спохватывается. Протягивает Веру руку, приглашая войти.

— Ох, извини меня. Ничего не соображаю.

В квартире полный кавардак. То ли только приехал, то ли уезжает.

— Собираешься куда-то?

— Да, через две недели съемки в Новой Зеландии. И еще надо в пару мест по дороге заскочить.

Вера вновь протягивает Стасу альбом.

— Ну, так как насчет автографа?

Стас внимательно смотрит на нее. Вера этот новый Стас Соловьев ставит в тупик. Непроницаемое лицо, ничего не выражаящий взгляд, лишенный эмоций голос.

— Была на выставке?

— Да.

Пауза.

— Понравилось?

Если бы Вера не была так занята, пытаясь справиться с собственными разбушевавшимися эмоциями, она бы заметила... До побелевших костяшек сжатые кулаки. С трудом удерживаемое шумное дыхание, отражающее бешеное сердцебиение в груди.

— Вера, почему молчишь? — очень тихо спрашивает он.

— А я не знаю, что сказать. У меня нет слов. Кроме самых простых и банальных. То, что я видела сегодня, — это настоящее большое искусство. Продирает до самых кончиков нервных окончаний. Ты же сам все про себя знаешь. Ты — гений.

Стас усмехается и в этот момент становится похожим на себя прежнего.

— В нашу последнюю встречу ты меня совсем другим словом называла.

Вера охает. Прижимает пальцы к губам. Как он может так легко говорить о том, что разбило на куски всю ее жизнь!

— Да ладно, Вер, не переживай. Все по-честному. Все правильно. Я это заслужил. Ты мне очень точную характеристику тогда дала. Я таким и был.

— Стас, я...

— А знаешь, что самое смешное? — перебивает он Вери. — Я уже забыл, как они выглядят.

— Кто — они?

— А те самые использованные контрацептивы, с которыми ты меня так точно сравнила, — Стас засовывает руки в карманы брюк и зябко поводит плечами. — Два года воздержания. Смешно, правда?

Ему явно не смешно. Вере тоже. Как на такое реагировать?

— М-м-м, я понимаю, — Вера старается, чтобы ее голос звучал спокойно, — это сублимация сексуальной энергии...

— Да нет, — фыркает Стас, — просто тупо не трахался.

Он все-таки довел ее до жаркого румянца.

Стас пользуется моментом, пока Вера пытается справиться со смущением, и разглядывает ее.

— Ты потрясающе выглядишь, — он с трудом отводит жадный взгляд от ее груди, подчеркнутой облегающим, одетым на голое тело клетчатым жакетиком. — Кто он?

— Кто он? — черт, она сегодня соображает как истинная блондинка.

— Мужчина, ради которого все это, — Стас позволяет себе еще один жадный восхищенный взгляд. Взгляд, вбирающий в себя все — и обтянутую жакетиком вздывающуюся от волнения грудь, и льющую к соблазнительным бедрам шелковую юбку, и подчеркнутые изящным замшевыми туфельками стройные лодыжки. Переводит взгляд на лицо и смотрит прямо в широко распахнутые серо-зеленые русалочки, манящие глаза. — Это же все не просто так, Вер. Кто-то сделал тебя такой. Или ты сама это сделала. Ради кого-то.

Да что же это такое! Резкие переходы от полнейшего равнодушия к таким вот спорным комплиментам совершенно выбивают почву из-под ног. Как тебе ответить, Стас? Правду ведь не скажешь.

И тут Вера вспоминает. В сумочке лежит карманное издание «Двух королевств». Прихватила из дома, повинувшись какому-то смутному предчувствию.

— Он вот здесь, — Вера достает книгу. — Хочешь, подарю?
Автограф на автограф.

Стас берет подарок в руки.

— Ты тоже такое читаешь?

— Какое — такое? — это парадоксально, но Вера близка к тому, чтобы на него обидеться.

— Да меня Ольга этой книгой достала. Везде таскается с ней. Может, книжка и хорошая, я не спорю, только шуму вокруг нее много.

— Ольга — это куратор выставки, — спохватившись, добавляет он, — моя совесть. И шило в заднице заодно.

— Я с ней уже познакомилась сегодня, — Вера берет книгу, достает ручку, пишет пару строк и размашистый автограф. — Ну, что, твоя очередь.

Стас открывает альбом. Внимательно смотрит.

— Что, неужели для тебя там что-то новое?

— Да нет, все то же, — он бросает на Веру не поддающийся расшифровке взгляд и берет у нее ручку.

— Знаешь, я тебя на фото не узнала. Даже мысль мелькнула, что это не ты. Эта борода тебя совершенно изменила.

— Я много времени провел в местах, где помыться-то раз в неделю не всегда получалось. А уж до бритья тем более дела нет, — Стас кладет ручку и альбом на барную стойку. — Зато чертовски удобно. А зимой еще и тепло.

Он открывает подаренную Верой книгу. Читает то, что она написала. Брови удивленно взлетают вверх.

— Ни фига себе! — вырывается у него. — Полина Уланова — это ты!

— Тс-с-с-с, только не говори никому, — улыбается Вера.

— Говоришь, с Ольгой познакомилась? Да она описается от восторга, когда узнает, с кем говорила.

— Ну, можешь ей подарить, — Вера кивает на книгу.

А вот теперь, после состоявшегося обмена подарками, можно и уходить.

— Ладно, Стас, я, пожалуй, пойду, — Вера берет с барной стойки альбом. Некстати вспоминает о том, как сидела на ней два года назад, широко раздвинув ноги... Так, все, точно надо уходить. — Спасибо за приглашение. Спасибо за автограф. И за твои великолепные фотографии.

Вера поспешно отступает к двери.

— И тебе спасибо, — глухим голосом отзыается Стас. — За то, что пришла. И за добрые слова. И за подарок, — он поднимает книгу. — Я обязательно прочитаю.

Щелчок закрывшегося замка напоминает звук взведенного курка из вестерна. Вера остается стоять на лестничной площадке с альбомом в

руках. Все, что у нее осталось от Стаса. С другой стороны, это гораздо больше, чем два дня назад. Правда, теперь она знает, каким он стал. И от этого боль становится еще сильнее. Кто бы мог подумать, что это вообще возможно.

Глава10. A la guerre comme a la guerre

«Ты умна, а я — идиот.
И неважно, кто из нас раздает.
Даже если мне повезет,
И в моей руке будет туз,
В твоей будет джокер»

Из песни «Мусорный ветер» гр. «Крематорий»

Вера не может найти в себе силы сразу уйти. Как будто ее со Стасом связывает какая-то невидимая нить, и рвать ее сейчас нестерпимо больно. Вместо этого она останавливается возле лифта и открывает первую страницу.

«Вера, спасибо тебе». И подпись. Все. За что «Спасибо»? Непонятно. Взгляд Веры натыкается на отпечатанное в правом верхнем углу первой страницы посвящение. Она трижды перечитывает его, прежде чем смысл хоть немного начинает доходить до ее оглушенного сознания.

«Три слова времени. Для меня это три кита, на которых держится жизнь каждого человека. Вера. Надежда. Любовь. Мне повезло, и в моей жизни Вера случилась. Спасибо тебе, Вера. За подаренный шанс изменить жизнь».

Стас, неужели это про меня?! Вера разворачивается, почти бегом бросается к двери его квартиры. Не нажав кнопку звонка, рука останавливается. Что ей сказать? Все слова благодарности

произнесены. А большее... Вера замирает, так и не решившись позвонить в дверь.

Но дверь все равно открывается. У стоящего на пороге Стаса не осталось и следа былой невозмутимости. Добела прикушенная нижняя губа. В глазах отражается такая гамма эмоций, что все и не перечесть.

— Я прочитала посвящение, — Вера прижимает к себе открытый на первой странице альбом.

— Только сейчас? — нервно прокашлявшись, спрашивает Стас.

— Да. Я была так увлечена фотографиями, что...

Вера проходит внутрь.

— Стас, я не знаю что сказать. Мне кажется, что моей заслуги в этом нет. Я не стою таких слов. Ты все сам...

— Вер, подожди, — его палец прижимается к ее губам.

Вера замирает. Время останавливается. А потом стремительно несется назад. Как и два года назад. Стоит ему прикоснуться к ней. Мир начинает разрушаться. И нет ничего вокруг. Пустота. Хаос. Только его холодный палец, прижимающийся к ее губам. Скользящий вниз. Очерчивающий линию подбородка. Вниз. По шее, плечу, руке. Его указательный палец легонько охватывает ее мизинец.

— Ты представления не имеешь, чего ты стоишь. — Стас глубоко вздыхает. — Я понимаю, что, как последний дурак, прохлопал данный мне судьбой шанс. И я знаю... Я вижу... Что не все такие идиоты, как я. Какой-то парень оказался сообразительней, чем я. Ты счастлива с кем-то... Что ж...

Стас еще раз вздыхает. Коротким судорожным вздохом. Отнимает свою руку от ее. Закрывает лицо ладонями. Медленно опускает руки вниз.

— Я не скажу тебе многое из того, что хотел бы сказать. Но одно ты должна знать точно. Нет на свете таких слов, которыми я мог бы выразить, что ты для меня сделала. Поверь, ты подарила мне новую жизнь. Ты заставила меня осознать собственную никчемность. И показала, где взять смелость, чтобы преодолеть это.

Стас замолкает. Вера, оглушенная, молчит. Миллион мыслей крутится в голове. Но самая первая...

— Что ты имел в виду, когда сказал, что я счастлива с кем-то?

Стас горько усмехается.

— Вер, я же не слепой. Да и Матвей сегодня говорил. Что ты живешь за городом. С каким-то парнем. Кажется, его зовут... Игорь.

Твою мать, Квасов, ну кто тебя за язык тянул! У Веры полный кавардак в голове. Нет ни малейшей идеи, как объясняться со Стасом. А объясняться надо, это очевидно. Но любые слова кажутся ей неуместным. Разве что...

Вера хватает со стойки лежащую там книгу. Судорожно перелистывает. Находит нужное место. Протягивает Стасу.

— Читай. Вот отсюда.

Пока недоумевающий Стас читает, Вера пользуется случаем и бесцеремонно его разглядывает. Он изменился. Но все та же оглушающая красота осталась при нем. Кажется, он набрал пару-тройку отнюдь не портивших его килограмм, и еще больше раздался в плечах. И если раньше его красота заставляла сжиматься и переворачиваться внутренности, то теперь, зная, какая яркая личность скрывается за этой сексуальной внешностью, это просто сбивает с ног. Сносит башню.

— Вер, извини, но я не понимаю...

Я тоже ни фига не понимаю!!!

— Ты что, тупой? — рявкает Вера. — Читай еще раз!

В глазах Стаса грустная обреченность сменяется изумлением. Но он послушно снова опускает взгляд в книгу. Во второй раз он читает еще дольше. Чего там читать! Полстраницы текста. Наконец поднимает глаза. И Вера видит перед собой удивленный синий взгляд принца Уланда.

— Вер, это что — я?

Она кивает. В горле вдруг пересыхает, и говорить становится невероятно сложно.

— Это... про меня? — Стас закрывает книгу и недоверчиво смотрит на обложку. М-да, это не самое удачное с точки зрения оформления издание.

— Не только, — Вера справляется с голосом. Откашливается. — Про тебя. И про меня.

Стас смотрит на книгу. Потом на Веру. Кладет «Два королевства» на стойку и делает пару шагов. И вот она уже ничего не видит. Весь мир расплылся, растворился, сузился до размеров этих темно-синих глаз. И нет в мире ничего, кроме них. И еще такого близкого дыхания. Наверное, их губы разделяют какие-то миллиметры.

— Вера...

— Да?

— Мне страшно.

Господи, что ты с собой сделал, Стас?

— Боишься, что забыл, как целоваться?

Вера видит только его глаза, но улыбку чувствует. Чем? Как чем, ведь их губы разделяют какие-то миллиметры.

— Боюсь, что не смогу остановиться, если начну тебя целовать.

— А мне не страшно.

Ее губы преодолевают последние миллиметры. Прикасаются к его губам. Легко. Совсем чуть-чуть. Едва касаясь. Так нежно. Так мучительно сладко.

Стас прекрасно понимает, что это означает. Она дает ему возможность отказаться. Остановить ее. Отстраниться, пока еще не поздно. Ага, как же. Да и поздно уже. Он так долго этого ждал. Так мучительно долго...

Он так этого ждал. Мечтал. Хотел. Прижать к себе так сильно, что Вера сдавленно охнула. Нет, малыш, я теперь тебя никуда не отпушу! И поцеловать. По-настоящему, скользнув изголодавшимся языком внутрь. Ласкать, гладить, обнимать. Прижимать, впечатывать в себя. К себе. Терять голову от этой головокружительной близости. И мягкости, и податливости. И одновременно ее жаркой взаимности, черт побери!

Стас отстраняется первым. Недалеко... Всего на пару сантиметров. Чтобы видеть глаза, не выпуская из кольца жадных рук. Уравнять дыхание получается далеко не сразу.

— У меня для тебя есть подарок.

Вера молчит. Во-первых, говорить пока не может. Он выпил из нее весь воздух. А вдохнуть не получается. Потому что Стас прижимает ее к себе так крепко... А во-вторых... Какие, к черту, подарки! Она не хочет никаких подарков! Она хочет его.

Нехотя, Стас ее все же отпускает. Быстро проходит к полкам в углу. У Веры получается сделать пару вдохов, прежде чем Стас поворачивается, и Вера видит свой подарок. Хоть плачь, хоть смейся. Это бейсбольная бита.

Стас смущенно улыбается. Подходит к кровати и кладет биту на пол рядом. В два шага оказывается рядом с Верой и снова прижимает ее к себе. Утыкается носом ей в ушко. И тихо говорит:

— Я ее там оставлю. Это хорошая бита. Тяжелая. Окантована медью.

Господи, ну кто из них двоих идиот?

— Стас, я не понимаю...

— Вер, я за себя не ручаюсь. Я уже не смогу остановиться. Даже если ты попросишь.

Он чуть отстраняется и смотрит ей в глаза.

— Я два года о тебе мечтал. И теперь, даже когда ты просто стоишь рядом, я уже себя теряю. Я не могу больше. Я хочу тебя любить.

А потом совершенно непоследовательно добавляет:

— Так что бита — твой единственный шанс. Остановить меня. Если вдруг передумаешь.

Соловьев, ты идиот! Верины губы изгибаются в легкой улыбке.

— Стас, у меня три года никого не было. Так что не знаю, кому из нас двоих понадобится бита. Но я бы предпочла, чтобы ты меня ей не бил. Просто попроси, если захочешь, чтобы я остановилась.

— Я не буду тебя просить. Я тебя умоляю, — Стас подхватывает ее на руки. Целует в губы. — Только не останавливайся. Пожалуйста.

Глава 11. О бесполезности бейсбольных бит

«Люди кричат, задыхаясь от счастья
И стонут так жарко, и дышат так часто,
Что хочется двигаться с каждой секундой быстрей.
Делая, делая, делая новых людей»

Из песни «Новые люди» гр. «Сплин»

Так много всего происходит. И так сразу. До озноба приятная тяжесть огромного мужского тела, прижимающего ее к кровати. Твердое колено, раздвинувшее ноги, кажется, обжигает нежную кожу внутренней поверхности бедер, не прикрытую чулками. Его рука, сжимающая ее, закинутые за головой. Губы. Которые или целуют так, что в голове гаснут последние всполохи мыслей. Или шепчут на ушко. Жарким прерывающимся шепотом. Ее имя. И «... я так скучал...». И «... такая сладкая...». И «... я не могу больше...».

Стас отпускает ее руки. Затем, чтобы освободить первую пуговку из петли. Вторую. Третью. Целует открывшиеся прелести. Пока прикрытые. Белыми тонкими кружевами. Которые совершенно не преграда для его губ. И языка.

Другая рука ныряет под юбку. Скользит вверх по бедру. До кружевного края чулок.

Сделав резкий шумный выдох, он отпрянул от Веры. Сел на кровати, максимально отодвинувшись на самый край. Голая грудь (момент, когда он снял рубашку, совершенно выпал у Веры из головы) резко вздымается и опадает.

Вера тоже садится. Оглушенная. Полураздетая. Ничего не понимающая.

— Стас?

— Вера, прости меня. Вот-вот случится большое несчастье, — убитым голос произносит он.

— Да в чем дело? — терпение ее лопается.

— Я сейчас чуть не кончил, — чуть слышно выговаривает Стас.

И-ди-от! Вера соскаивает с кровати. Встает перед Стасом. По дороге успев скинуть жакет. И теперь сражается с замком юбки. Наконец юбка соскальзывает вниз, и она отпинывает ее ногой. Остается стоять в полуопрозрачном белье и чулках.

У Соловьева случается приступ удушья. Глаза распахиваются на пол-лица. Сказать он не может ничего.

— Ну! — Вера упирает руки в бедра. — Или ты прекращаешь отлынивать! Или я беру в руки биту!

Со сдавленным то ли стоном, то ли рыком он вскакивает, хватает ее в объятья. И они снова падают на кровать.

Про «Я сейчас кончу» было сильно преувеличено. Потому что Вера уже абсолютно нагая, неимоверно влажная, вся такая розовая, дрожащая, с прерывающимся дыханием. Может только простонать: «Ст-а-а-с». Или жалобно выдохнуть: «Пожалуйста!». А он все медлит. Сводит с ума. Поцелуями. Прикосновениями дрожащих от возбуждения и напряжения пальцев. Напряжение сказывается не только в его пальцах. Вера чувствует его напряжение животом. Потом бедром. А вот руки ее Стас перехватывает и не позволяет к себе прикоснуться. И продолжает. Продолжает. Продолжает.

И наконец-то она чувствует его напряжение там. Там, где уже до боли его хочет. Гладкий горячий твердый! И он останавливается!!!

— Стас?!

— Вера, — он со стоном произносит ее имя. В голосе все — напряжение, мука, страдание. — У меня нет ничего. Резинок нет. Я же говорил, что два года уже...

— У тебя есть ты, — и она делает легкое движение бедрами вперед. Навстречу гладкому горячemu твердому ему.

И он подается ей навстречу. Входя одним плавным глубоким радостным движением.

— Да... — выдыхает, выгибая спину, Вера.

— Да... — стонет, опускаясь на предплечья, Стас.

Что может быть лучше оргазма? Ничего. Разве что если при этом ты слышишь, как любимый голос со стоном выдыхает твое имя. А сам любимый вздрагивает при этом всем телом. И твое сжимающееся от сладкого отпускающего напряжения лоно принимает его горячий дар. Вот оно, оказывается, как бывает по-настоящему.

* * *

— Пить хочешь? — теплое дыхание щекочет ей ухо.

— Что?

— Ты не хочешь пить?

В горле действительно пересохло.

— Хочу.

Стас приподнимается на локте. На губах его блуждает легкая улыбка.

— Шампанского? — вопросительно выгибает бровь.

— Да, пожалуй, — томно отвечает Вера.

Стас встает с кровати. Оказывается, от прежнего Стаса Соловьева многое осталось. Например, это откровенное бесстыдство. Стоит рядом с кроватью абсолютно голый. Не делая попыток прикрыться или одеться. Улыбается. Великолепный в своей наготе.

— Чего изволите к шампанскому?

— Ничего. И поживее!

— Слушаюсь, — шутовской поклон, и он поворачивается к ней спиной, направляясь к холодильнику у дальней стены. Вид сзади не менее великолепен. Он не видит, и можно беззастенчиво плятиться. Пока любовалась крепкими округлыми мужскими ягодицами, пока оценила всю красоту широченных плеч, сбегающих к узкой талии. Перекатывающиеся на спине мышцы...

— Стас!!! — она не просто закричала. Вера взвизнула от увиденного.

Он вздрагивает, резко обворачивается. Вера уже соскочила с кровати и подбежала к нему, заглядывая за плечо.

— Что это у тебя там?!

Стас чуть слышно чертыхается, берет Веру за руки. Целует в ладонь.

— Ничего.

— Стас-а-ас?!

Что ему остается делать? Рано или поздно все равно увидит. Так почему не сейчас? Пусть лучше на спину смотрит, чем на то, что у него спустя пять минут после оргазма уже опять эрекция. А нечего перед ним голой скакать. Со вздохом Стас поворачивается спиной.

Она не верит своим глазам. Во всю ширину спины. Татуировка. Огромное стилизованное сердце. Внутри сердца надпись. «Вера — ты моя надежда и любовь».

— Налюбовалась? — Стас поворачивается к ней лицом. Берет со стола бутылку с шампанским. Начинает оттирать фольгу. Вера молчит, потрясенная. Вот теперь действительно нечего сказать.

Хлопает пробка. Белый дымок поднимается из горлышка бутылки. Стас разливает шампанское. Соприкасаясь, бокалы издают мелодичный тонкий звук.

Вера отпивает холодной обжигающей жидкости. Ни черта она не понимает в шампанском, но это, кажется хорошее. И тут до нее доходит вся абсурдность ситуации. Стоит голая на кухне, дегустирует шампанское рядом с мужчиной, у которого на спине написано... такое... Чего уж тут стесняться, в этой-то ситуации?

— А почему на спине?

— Скажи спасибо, что не на заднице, — Стас смущен и раздражен одновременно. — Изначально у меня такой концепт был.

Вздыхает и добавляет:

— Плохо мне было. Злой был как черт. В один из разов надрался как свинья и приперся к знакомому тату-мастеру. Я, честно говоря, плохо помню, о чем думал и что ему говорил. Но, судя по его рассказам — это еще цветочки по сравнению с тем, что я хотел изначально.

Вера покачивает бокалом с шампанским. Черт, все становится абсурдней и абсурдней.

— Ну и как это... понимать?

— А как написано, так и понимать, — ему терять уже нечего. Не так он хотел, чтобы это случилось. А в итоге стоит голый на кухне

рядом с любимой женщиной, а на спине у него — идиотская татуировка.

Вера в задумчивости отставляет бокал. Смотрит на Стаса. И сейчас ей абсолютно плевать, что они обнажены.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Что? — хмурый Стас прикидывается непонимающим.

— Я правильно понимаю: каждый раз, когда мне захочется ЭТО услышать, ты будешь показывать мне свою спину?

— А ты хочешь это услышать? — почти шепотом спрашивает Стас.

— Больше всего на свете, — так же шепотом отвечает она.

— Я люблю тебя, — и привлекает к себе, наплевав на эрекцию.

Прижимает голову к своему плечу и шепчет в макушку: — Я люблю тебя. Люблю. Люблю. Люблю.

Веру накрывает волна полнейшего беспредельного счастья.

Остановись, мгновенье, ты прекрасно...

— Вер, — голос Стаса смущенный и настойчивый одновременно. — Судя по этому парню. Принцу. Как его там... Ты тоже ко мне... неравнодушна?

— Ты даже не представляешь, насколько, — шепчет Вера в теплую шею. Целует его. Господи, как он пахнет...

Стас не дает ей на этом сосредоточиться.

— Я бы хотел услышать эти три слова.

— Соловьев, ты дурак.

— Вера, это не те три слова, — в его голосе напряжение. И страх... Ну, какая же она бесчеловечная дрянь!

— Стас, я люблю тебя.

Вера виском чувствует скатившуюся по его щеке слезу. Нет, она действительно бесчеловечная дрянь!

— Стасик, солнышко, — Вера делает попытку освободиться от лежащей на шее руки, чтобы сцеповать эти такие непривычные на мужских щеках слезы. Чтобы рассказать Стасу, как сильно она его любит. Стас лишь сильнее прижимает ее к себе. Он не хочет, чтобы она видела, как он плачет. Его право. А потом говорит. Просевшим сиплым голосом

— Ты не представляешь, сколько раз я мечтал об этом. Как слышу эти слова от тебя. Знаешь, когда я понял, что люблю тебя?

— Когда? — виновато шепчет Вера.

— Когда ты орала на меня тогда, в тот наш последний вечер. Когда мы целовались. Нет, наверное, влюбился я раньше. А понял — только тогда. Когда уже поздно было. Когда я все испортил.

— Ничего ты не испортил, — Вера опять целует его в шею. В упрямый подбородок. Но Стас неумолим. Он еще не все выяснил. Отстраняет ее от себя. Целует в ладонь.

— А ты?

— Что я? — теперь непонимающей прикидывается она.

— Когда ты поняла, что любишь меня?

Вера молчит. Это неправильный вопрос.

— Вера, что молчишь? Не помнишь, когда?

Ладно, придется раскрывать карты.

— Когда увидела в первый раз.

— Тогда? Когда я... — Стас недоверчиво хмурит брови. — Я же тогда пьяный был в дым.

Вера с независимым видом пожимает плечами. Это выглядит забавно, учитывая, что они по-прежнему голые.

Стас ехидно улыбается.

— Неужели повелась на смазливую физиономию?

Вера пытается грозно сверкнуть глазами и удалиться. Не получается. Стас обхватывает ее сзади руками и прижимает к себе. Как это приятно. Прижиматься спиной к такому твердому нему. Попой ощущать то место, где он особо твердый. Между тем, руки его накрывают ее грудь. И по-прежнему ехидный, как улыбка, голос шепчет в ухо.

— И что мы теперь будем с этим делать?

— С чем? — руки его не остаются без дела, и поддерживать разговор все труднее.

— Я теперь далеко не такой красавчик, как раньше.

Не смотря на сводящие с ума прикосновения, Вера прыскает со смеху.

— Шутишь? Ты стал еще красивее.

— Да? — голос Стас звучит задумчиво и слегка...
разочарованно. — Ну, раз так, могу я надеяться, что ты согласишься... — ладони его сжимаются, — пройти со мной в постель?

На выдохе.

— Да-а-а-а!

* * *

— Вер, я должен признаться тебе кое в чем ужасном, — про ужасное говорить не хочется, когда она в полной истоме нежится в кольце его рук.

— Что ты натворил?

— Я уничтожил все твои фотографии. В один из разов. Когда напился.

— Сколько их было — этих разов? — Вера понимает, что ее женскому самолюбию должно льстить, что он так мучился. И льстит, чего там. Но при этом жалко его безмерно.

— Да, не важно уже, — демонстративно беспечно отвечает Стас. — Важно то, что исходников в хорошем качестве больше нет. Так, какая-то ерунда в интернете есть. Но это все не то. Прости меня, — прижимается губами к ее виску.

— Ладно, я тебе тоже кое в чем признаюсь.

— Да?

— Я тебя убила.

— Чего?!?

— Я убила принца Уланда.

— Ну, ты просто изверг, — в противовес своим словам Стас улыбается. Встает с кровати, возвращается с бутылкой и бокалом. — Ну, не чокаясь. За упокой.

Опустошив бокал, спрашивает:

— За что ты его так?

— Плохо мне было. Злая была как черт, — передразнивает его Вера. — А идея с татуировкой на заднице отчего-то не пришла мне в голову.

— Ты опасная женщина.

— Я добрая. И уже придумала, как его оживить.

— Ну, тогда за здоровье принца... как его... Уланда.

— Знаешь, — шампанское оказывает свое растормаживающее воздействие, и Вера вдруг решается. — Хочу тебе еще кое в чем признаться. Угадай, что стояло у меня на столе, когда я писала «Два королевства»?

— Не знаю. Скажи, — сейчас у него только одна версия того, что может стоять. И стоит. Опять. Ага.

— Твоя фотография.

— Откуда у тебя мои фотографии? — Стас польщен. Но и удивлен.

— Из Интернета.

— Мне очень приятно, что я тебя вдохновлял, — он легко целует ее, а рука начинает свое движение вниз по спине.

Он не понимает!

— Это из ранних твоих фотографий.

— Что ты имеешь в виду? — его рука чертит восьмерки на идеальных округлостях.

— Ты же был раньше моделью...

— Господи, где ты откопала это дермо?! — Стас так удивлен, что руки его замирают.

— И ничего не дермо, — надувает губки Вера, — это очень красивая фотография.

Стас демонстративно закатывает глаза.

— Вера, ты меня удивляешь. Вроде бы умная женщина. Это же такой отстой. Видеть их не желаю. Выкинуть. Сжечь. И пепел по ветру.

— А мне нравятся фото красивых мужчин, — Вера изволит капризничать. — Хочу.

— Только не эти. Я их плохо помню, но точно знаю, достойных среди них.

Вера бросает на него строптивый взгляд из-под ресниц, и Стас понимает, что пропал. Со вздохом притягивает Веру к себе.

— Хорошо, будут тебе фото. Только я сам выберу. И это тебе, — ладони стискивают аппетитную попку, — будет очень дорого стоить.

— Раз так, хочу большой постер, — успевает пробормотать Вера, прежде чем он накрывает ее губы своими.

Глава 12. Победный эндшпиль

«Дареному коню в зубы не смотрят»

Вы не поверите, но снова народная мудрость

Отчего-то нет привычного ноющего, давящего чувства потери. Нет тупой саднящей боли в груди, с которой он просыпался каждое утро последние два года. Стас открывает глаза и морщится от яркого света, заливающего комнату. Сколько же он проспал... День вчера выдался

суетливый. Столько хлопот с этой выставкой. Неудивительно, что он так умаялся... Резко садится в кровати и оглядывается. Он один.

Не могло же это ему присниться. Вера. И все, что между ними было. И все, что они друг другу говорили. Как часто он об этом мечтал. Но то, что случилось... Прекраснее любой мечты.

Стас смотрит на часы на запястье. Пол-одиннадцатого. Вот он засоня! Сознание, привыкшее к двухгодичной боли, не верит собственным воспоминаниям. Он откидывает простынь, внимательно оглядывая себя. Гм, похоже, что эту ночь он провел не один... Но где Вера? У него по-прежнему нет ни адреса, ни телефона. Стас протягивает руку и берет вторую подушку. Втягивает воздух. И на его губах медленно расцветает улыбка. Пахнет... ею. Верочкой. А потом он бросает взгляд на пол рядом с кроватью, и улыбка становится шире. Биты нет. Его подарок она прихватила с собой.

Стас откидывается назад, на подушку. Сбежала. Верка-трусишка. И он понимает, почему. Ей надо подумать. Аккуратно разложить по полочкам то, что разметал ураган, накрывший вчера их обоих. Стасу-то ничего делать не надо, для него все предельно ясно. Но он готов дать ей время. До вечера. Адрес он выбьет из Матвея. Да и у него самого есть пара неотложных дел.

Стас встает и, омываемый солнечным светом, топает в кухонную зону. Варить кофе. Находит мобильный, выбирает абонента.

— Ромыч, привет! Это Соловьев... Спасибо, брат, я старался... Да, все отлично... Слушай, помоги, плиз, нужен павильон на пару часов. Нет, не надо. Буду работать в одного... Ага, спасибо, буду ждать.

* * *

Такого разноса ей не устраивали даже родители во времена беспутной юности. Да и не было у нее никакой беспутной юности. Прилежная студентка ЛитИнститута не давала родителям ни малейшего повода для беспокойства. Зато теперь...

Оказывается, Игорь, ни разу не повысивший на нее голос за все неполных два года их «совместной» жизни, умеет орать. И он орал. Забыв про то, что у него самого от криков начинает болеть голова. Припомнил ей все. И про то, для чего людям мобильные телефоны. А Вера смущенно вспомнила, что поставила телефон на вибровызов, когда приехала на выставку. А потом и вовсе не до телефона стало. И про то, что можно было хотя бы смс-ку скинуть, раз так занята была. Да, ты прав, Игорь, прости, но я забыла про то, кто я. Не то, что про какие-то смс. И про то, что он провел всю ночь, обзванивая отделения

милиции, больницы и морги. Господи, Вера, ну ты скотина. Развела мужиков, не можешь теперь за ними уследить. И про то, что Матвей, несерьезный идиот, велел ему не волноваться до утра. Дескать, он, знает, где, скорее всего, Вера. И утром она объявится. А вот это уже интересно. И кто это у нас такой проницательный? Альфа, в своей беззаботной собачьей жизни ни разу не слышавшая, как ее обожаемый хозяин так орет, тихо подывала.

— Скажи хоть, с тобой все в порядке? — Верино молчание подействовало на Игоря успокаивающе. — Что случилось?

— Игорь, — Вера выдала свой самый лучший взгляд, полный глубочайшего раскаяния, — Игоречек... Ну прости меня, пожалуйста. Это полное свинство с моей стороны. Я бесконечно раскаиваюсь.

Игорь еще хмурится, но Вера видит — он ее простил.

— Где была-то? С мужиком?

— ЧТО?!? — вот это новости!

— Матвей сказал, — пожимает плечами Игорь.

— Вы, бл*, совсем охренели!!! — Вера мгновенно забыла, что это она виноватая сторона, и ей надо молчать и сопеть «в тряпочку». — Да какое ваше дело, где я бываю!

— Это мое дело, — Игорь упрямо складывает руки на груди. — Отвечай, у мужика была?

— А даже если и так? — орет в ответ Вера. Все же есть плюс, что у них так и не появились соседи. А то они такое шоу устроили прямо у дверей дома.

— Хорошо, если так, — неожиданно невозмутимо отвечает Игорь. — Тогда я спокоен. Если ты с мужиком, значит, он за тобой присмотрит. Если, конечно, мужик толковый. Толковый, а, Вера? А то Матвей че-то невнятное мычал...

Час от часу не легче...

— Шли бы вы... — начинает Вера, и ей неожиданно становится смешно. — Толковый, толковый, — усмехаясь, заканчивает она.

— В следующий раз предупреждай. И телефон его дай, — ворчит Игорь, открывая дверь. — Есть хочешь?

Вера понимает, что не просто есть хочет. Жрать. Сколько сил вчера вечером и ночью потрачено...

— Да, очень. Только сначала в ванную.

— Двадцать минут у тебя, — предупреждает Игорь. — И скажи мне, зачем тебе бита?

Лежа в ванне, Вера вспоминает, как проснулась сегодня утром. Ее творчески-биологический ритм был в последнее время крайне непостоянен. То ей лучше всего работалось по ночам, в полной тишине. То вечерами, когда по дому из кухни разносятся восхитительные дурманящие запахи. А в последнее время — по утрам, на рассвете, сидя перед окном.

Вот и сегодня, проснувшись на рассвете. Обнаружила, что голова ее уютно устроена на чужой руке, а сама она прижата к теплому обнаженному мужскому телу. Поперек ее живота расслаблено свешивается вторая рука, а его нога обвивает Верину икру. И она вспоминает. Краснеет даже. И все равно блаженствует в его объятьях.

Но потом перед ней во всей красе встают два вопроса. Во-первых, хочется в туалет. Во-вторых.... И что дальше? Потихоньку высвобождается из рук Стаса. Он вздыхает сонно и переворачивается на спину.

Совершив минимальные гигиенические процедуры, Вера возвращается в комнату. Садится на кровать. Раньше у нее не было возможности так беззастенчиво его разглядывать. Теперь можно наконец-то это сделать. Стас не хмурится. Не улыбается. Просто безмятежно спит очень глубоким сном. Разлет густых темных бровей. Веера черных ресниц. Губы, которые подарили ей столько наслаждения прошлой ночью, расслаблены. А щеки и подбородок уже заросли легкой щетиной.

Вера вспоминает какой-то фантастический фильм, где описывалась такая традиция. Если мужчине нравилась женщина, он приглашал ее провести с ним ночь. И он спал. А она смотрела, как он спит. И если ей это нравилось, то она давала согласие на дальнейшее развитие отношений.

Мне нравится, как ты спишь. Мне все в тебе нравится. Только что же будет дальше? И Вера вдруг понимает, что не сможет позволить ему снова исчезнуть из ее жизни. Все, что угодно. Только не это. Она согласится на все, что он ей предложит. Все, что угодно. Лишь бы что-то предложил. Но ждать, когда он проснется... Нет, это выше ее сил.

Вера одевается и выходит из квартиры, тихо прикрыв дверь. Все, Стас. Следующий ход за тобой.

* * *

После обильного завтрака Вера, вопреки всякой логике, завалилась спать. Ага, кто б ей еще дал поспать. Через час явился Матвей. Для

того, чтобы упереть ее на какую-то встречу с издателями. По молчаливому обоюдному согласию темы паранормальной осведомленности Матвея о подробностях ее личной жизни они не касались. Да и было о чем другом поговорить. Встреча, потом еще одна, потом еще поехали в офис Квасова. А как же, надо «все обсудить».

К себе она вырвалась уже ближе к вечеру. Подъезжая на такси к дому, обнаружила, что рядом припаркована чужая серебристая машина. Альфа, высунув язык, бегает кругами вокруг Игоря, который разговаривает с каким-то высоким мужчиной.

Это Стас.

— Привет, — обнимает ее за талию, легко целует в губы. — Суперский у тебя секьюрити. Полчаса ему зубы заговариваю. Не верит.

У Игоря вид смущенный. Но упрямый.

Вера улыбается. Потому что, как последняя дурочка, рада его видеть. И соскучилась.

— Знакомьтесь, Игорь Касьянов, мой... — Вера терпеть не может слово «охранник». Можно подумать, она кого-то боится! Но что сказать? Телохранитель? Домработник? Сторож? Друг, конечно, больше всего подходит, но как к этому отнесется Стас?

— Охранник, — твердо добавляет Игорь и протягивает руку.

— Стас Соловьев, Верин жених.

У нее отнимается дар речи.

Игорь улыбается. Такая редкость.

— Очень рад.

Кто бы ее еще спросил!

— Вер, поехали, у нас еще куча дел в городе.

Ладно, при Игоре отношения выяснять не будем.

— Мне надо переодеться.

— Хорошо, — легко соглашается Стас.

— А пойдемте, Станислав, я вас пока чаю с кексом угошу, — теперь, когда внесена ясность, Игорь сама любезность.

Нет, ну просто заговор какой-то!

* * *

Выбравшись из поселка на простор автострады, машина с ревом набирает скорость.

— Скучала по мне?

Вера перебрала в голове несколько язвительных ответов, а вместо этого...

— Очень.

— Я тоже, — один короткий внимательный взгляд на нее, и его глаза снова смотрят на дорогу.

— У меня для тебя подарок.

— Еще? Игоряна чуть инфаркт не хватил, когда я утром с битой домой явилась.

Стас серьезен.

— Кстати, о твоем Игоряне. В целях полной ясности. Я в принципе не против, чтобы он продолжал работать у тебя. Но я должен точно знать, что у вас с ним... — молниеносное головокружительное перестроение по трассе, — ничего не было.

Так, вот это заявления. Но вместо возмущения...

— Неужели ревнуешь? — Вера вложила в этот вопрос все свое недавно приобретенное кокетство.

— Да Отелло по сравнению со мной — младенец.

Вера улыбается, как кошка, слизавшая крынку сметаны. В жизни ее никто никогда не ревновал. Сколько удовольствия пропустила, оказывается...

Еще одно стремительный маневр, и еще пара машин остается позади.

— Кто тебя учил так водить машину?

— Что у вас было с Касьяновым?

Надо возразить. Что за допрос? По какому праву?

— Ничего не было. Он мой друг. Веришь?

— Верю.

— Так что насчет машины?

Стас ненадолго снимает руку с руля, берет Верину ладошку. Притягивает к губам, целует.

— Артиллерийские обстрелы. И снайперы.

— Что?!

— Я успел поработать... скажем так, военным корреспондентом. В Осетии. А потом в Киргизии. Когда дороги обстреливаются, ездить надо быстро. И очень маневренно.

— Не может быть!

— Ты же видела фотографии на выставке.

— Но я не предполагала, что все так...

— Именно так. Умудрился даже под пули попасть. И под осколки.

— Ты был ранен?!

— Ерунда. Сквозное в руку. Царапина. Так, мясо прожарилось.

Medium rare, — Стас скромно усмехается. — С осколками хуже вышло.

Взрывом оконное стекло разнесло. Один осколок в шею воткнулся, полсантиметра до сонной артерии. Док сказал, я в рубашке родился.

Вере становится дурно от ужаса. От осознания того, что они могли и не встретиться.

До дома Стаса они доехали очень быстро.

С заднего сиденья Стас достает несколько больших, скатанных в рулоны листов бумаги. Вера охает.

— Это то, о чем я думаю?

— Спокойствие, всему свое время, — Стас отводит руки с рулонами в сторону. — Пойдем домой.

А на площадке он подходит к двери... ее бывшей квартиры. И открывает ключом...

— Выкупил, — поясняет в ответ на изумленный Верин взгляд. — Это все, что у меня от тебя оставалось. На тот момент. А здесь у меня... типа, студия.

Бросает принесенные постеры на пол.

— Пойдем, покажу кое-что.

Бывшая Верина гостиная пуста. Мебели нет. Зато есть... мольберты. Картины на стенах. Прямо напротив двери — она. В доспехах. На фоне горящего замка.

— Стас...

— Я ж говорил, фотки грохнул. Вот, решил таким образом восстановить...

— Это ты рисовал?

— Угу.

— Но как?..

— Я же художественное училище заканчивал. Какие-то базовые навыки остались. Нравится?

Вера отвечает поцелуем. Таким жадным и горячим, как будто не было вчерашнего вечера и ночи. И она прикасается к нему впервые после двухгодичной разлуки. Впрочем, желание посмотреть на принесенное Стасом все же делает в принципе возможным прервать поцелуй.

— А там что? — Вера поворачивается к двери, где на полу лежат раскатившиеся белые тубы.

— А это твой свадебный подарок.

Сердце екает.

— Тебе не кажется это странным?

— Что именно?

— А ты не хочешь меня ни о чем спросить?

— Вер, если хочешь, буду серенады под окном петь. И на коленях умолять. Если Касьянов в меня, конечно, из окна не шмальнет, — Стас усмехается. — Только какой смысл спрашивать, когда ответ уже получен.

Вере ни разу в жизни не делали предложение руки и сердца. А невозможный Соловьев превращает все в фарс. Ну, погоди, дружок...

— Что-то не помню, чтобы давала тебе согласие, — надувает губки Вера.

— Давала, давала.

— Не припоминаю никак.

— Ты сказала, что любишь меня. Этого более чем достаточно.

А потом неожиданно опускается на колени. Берет ее руку в свои.

— Вера Владимировна, прошу, окажите мне честь, согласившись стать моей женой.

Он не паясничает. Говорит абсолютно серьезно. Говорит словами. Глазами. Сердцем. Глядя сверху на стоящего перед ней на коленях великолепного мужчину, Вера умирает от восторга.

— Помочить тебя?

— Не надо, — без улыбки отрицательно мотает головой Стас.

— Ну, хорошо, я согласна.

* * *

Вера все-таки добирается до постеров.

— Так, это без меня, пожалуйста, — Стас направляется к двери.

— Ты куда?

— Принесу чего-нибудь выпить. Надо отметить. Я, между прочим, первый раз в жизни предложение делал.

— У тебя неплохо получилась.

— Спасибо. Смотри, слюнями не закапай.

Нет, ну каков наглец!

Вера разворачивает свой подарок. Их штук пять или шесть. На двух Стас в так хорошо знакомых ей голубых джинсах и белой футболке. Потом еще топлесс. Потом в трусах. И последняя... Голый. Спиной к камере. Широко расставив ноги. Уперев руки в бедра. И татуировка во всю спину.

Правильно он про слюни предупредил...

Стас возвращается с бутылкой вина и бокалами.

— Шампанское все вчера выпили, — увидев развернутые постеры, морщится. — Вер, а можно сделать так, чтобы они мне на глаза не попадались, а?

— Я их повешу на стене в спальне.

Стас стонет.

— Ну, зачем тебе?

— Люблю фото красивых мужиков. Выбирай: или эти, или из твоего раннего.

Неожиданная мысль приходит ей в голову.

— Ты это когда снимал? И кто тебя фотографировал? Дэн?

Стас хохочет.

— Надо будет Кузьмину рассказать. Нет, Дэн сейчас в Новой Зеландии. Снимал сегодня. Один. Задержку на камере ставишь и вперед. А что? Ревнуешь?

— Конечно. Я ужасная собственница.

Стас хмыкает.

— Вер, куда ж я денусь. У меня такое клеймо на спине.

Разливает вино. Протягивает Вере бокал.

— Ну что, за нас!

— Стас, — Вера отпивает вина, — только у меня одна просьба.

— Для тебя — все, что угодно.

— Можно, я возьму твою фамилию?

Стас улыбается.

— Конечно. Мне будет очень приятно.

Подумав, спрашивает.

— А как же бренд «Вера Хомяк»?

— Да черт с ней! Надоело. Есть у меня помимо Уланда с Амирантой пара идей. Буду писать под своей новой фамилией.

— Как скажешь, дорогая.

* * *

Через три недели супруги Соловьевы вылетели на съемки в Новую Зеландию. Стас и мысли не допускал о том, чтобы оставить любимую жену, а Вера решила, что ей все равно, где писать. Главное, чтобы рядом с любимым мужем.

Оглавление

Глава 1. Вуайеристы и эксгибиционисты

Глава 2. Что с утра лучше — кофе или портвейн?

Глава 3 Новоселье и веселье

Глава 4. Заклиная демонов

Глава 5. Многоликие

Глава 6 Гость из Канады

Глава 7. Уланд и Амиранта

Глава 8.Comeback

Глава 9. Три слова времени

Глава 10. A la guerre comme a la guerre

Глава 11. О бесполезности бейсбольных бит

Глава 12. Победный эндшпиль